

ЗЕМЛЕМЕР

Пьеса в двух действиях.

Действующие лица:

АЛЕКСЕЙ - 40 лет

АНТОНИНА, его жена - 40 лет

РАИСА - 40 лет

ИВАН СОЛОВЬЁВ, или “СОЛОВЕЙ” - 40 лет

ЛАУРА - 20 лет

ОФИЦИАНТ - 25 лет

ГАИШНИК - 20 лет

ЗЕМЛЕМЕР - 40 лет

Двухэтажный старый купеческий дом у дороги. Наши дни.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина.

Город разделён рекой: половина домов на одной стороне, половина на другой, а между ними - большой железный мост. На выезде из города к мосту у дороги стоит старый купеческий дом: первый этаж каменный, второй - деревянный. Мимо дома едут машины, везут мусор на помойку - через мост и реку далеко за город, за гору, за лес, к горизонту. Весна. Проезжающие машины падают в скрытую водой яму, что у самых окон. Проедет машина, столб грязной воды поднимется на дом, течёт грязюка по окнам. Проходит пять минут и снова то же. К дому провода тянутся, как плюс и минус, как хвосты ласточек, которых тут полно, как две линии, с неба идущие. Будто держится дом в воздухе благодаря этим ниточкам, болтается на них. Или это две струны натянулись, вытаскивают дом из пропасти, вот-вот лопнут, а он стук да стук по земле. А может, это чёрные стрелы с синего неба в дом вонзились. На первом этаже висит вывеска, обляпанная грязью: “Городская библиотека № 2”. Десять окон первого этажа закрыты деревянными ставнями, на каждом окне железяка-клямка - поперёк с навесным замком. Побелённая штукатурка теперь чёрная стала. Первый этаж пустой, брошенный. Переехали недавно оттуда библиотечные работники, кинули во дворе какие-то книги, в самой библиотеке крысы бегают, кошки. К первому этажу слева спускаются девять ступенек вниз, в землю вгрызаются. Деревянные стены второго этажа, наличники, резьба и окна были когда-то синие. На второй этаж ведёт скрипучая лестница, встроенная в дом со стороны реки. Балкон полусгнивший на мост смотрит. В огороде картошка посажена недавно. Там туалет покошенный стоит. За огородом река, дальше за рекой сосновый лес на горе, в лесу парк культуры и колесо вертится, а за колесом - снова торчат дома многоэтажные. По огороду к реке ведёт тропинка. Она упирается в старые, прогнившие мостки, которые над водой нависли. Слева от дома берёза - толстая, почерневшая. Возле неё банка стоит, в банку березовый сок капает. На березе первые листочки. Туча ворон летает, каркает, орёт, на крышу садится, на берёзу. Ласточки щебечут, строят домики у стрехи

второго этажа, залепили всё гнёздышками. За забором справа сад, в нём разрушенная деревянная беседка, деревьев там нет, только пеньки. У забора колонка для воды, выкрашенная красной краской. Из колонки, не останавливаясь, бежит сильной струёй вода, по огороду течёт и в речку. На заборе объявления, ветер их треплет. Издалека по дороге, от моста к дому, идёт землемер: человек с деревянным треугольником-метром. Идёт, песни поёт, а вороны над ним кружат.

На втором этаже дома люди живут. Тут пять комнат. Три комнаты пустуют, двери на амбарных замках. В коридоре кухня, плита электрическая. Окно на улицу разбито и дыра заложена старой перьевой подушкой. Клок перьев вылез, пёрышки летают по комнатам. День, а свет горит. Провод лампочки свисает с лепного круга на потолке, круг запылённый, но красивый, старинный. В кухне-коридоре всё забито пыльным хламом. Поперёк пути, сверкая полировкой, стоит фортепиано, мешает ходить, все об него ударяются. На фортепиано - фаянсовая кошка-копилка. Везде коробки с вещами, книгами. Между клейкими ленточками для мух бельё висит, сушится. Мухи ещё в прошлом году к ленточкам прилипли и подохли. Ветер колышет ленточки. За входной дверью стоит поролоновый жёсткий матрас. На полу, на подоконниках штук сто баночек с луковицами, выпустившими зелёные стручки. У плиты сидит Ваня Соловьёв, или СОЛОВЕЙ, как он себя называет, и АЛЕКСЕЙ. Курайт. Рядом с Алексеем две палки, чтоб передвигаться.

СОЛОВЕЙ. *(Он в валенках на босу ногу, в руках у него гармошка, он пиликает на ней.)* Мы - бедные. А жрать и пить охота. Раиска приносит чего. Прибилась к нам с месяц назад, что ли, Райка - дворником устроилась в наш дом! Хитрованша! Подметать не подметает, а деловая, днём торгует, вечером лезет ко мне, а я Лаурку люблю! Она лук посадила, ест, и мы крадём. Сама облученная и мы с ней! Птички божиин!

АЛЕКСЕЙ. Кто?

СОЛОВЕЙ. Птички Божиин! Божиин птички! Порхаем, летаем! “Мы взлетим в стратосферу и скажем: “Ну, что же, дорога ясна! За детство счастливое наше - спасибо, родная страна!” *(Хохочет.)*

АЛЕКСЕЙ. Что?

СОЛОВЕЙ. Сон разума рождает чудовищный аппетит и чудовищное пьянство, как я образно, однако, скажу другой раз! *(Хохочет.)*

Лаура стоит в центре коридора, пьёт сок из трёхлитровой банки, проливает его на свой белый балахон-платье, сок бежит по телу, по ногам. У Лауры стрижка короткая, будто у мальчика - подростка.

АЛЕКСЕЙ. Что она пьёт?

СОЛОВЕЙ. Сок. *(Поёт)* В кофте розова-ай - сок берёзова-ай!

АЛЕКСЕЙ. Это вода, какой сок?

СОЛОВЕЙ. Во дворе береза, с неё сок. Дырку просверлю - каплет и каплет. За час - три литра. Умножить на сорок - будет рубль сорок! Пьем по весне. Засохла уж наполовину, но соку даёт. Витаминов даёт! В магазине сок - вода с сахаром, а тут настоящий русский народный сок! *(Смеётся.)* Вороны загадили во дворе, даже в банку с соком какнет. Всё нам даёт обыкновенная наша русская народная берёзка, как я образно скажу другой раз: сок, веники, красоту, и сучок есть там - не хочешь идти на мост, повесься на русском народном сучке, удобно, невысоко, подпрыгнуть можно, я даже верёвку приспособил, кому надо - искать не надо!

АЛЕКСЕЙ. Старик, что вы всё время смеётесь?

СОЛОВЕЙ. А дак весело мне! *(Играет на гармошке, хохочет.)* Когда я утром надеваю гетры, что я хочу - ты хочешь знать?

АЛЕКСЕЙ. Что?

СОЛОВЕЙ. Хочу бежать я километры, чтоб на завод опоздать! *(Смеётся.)*

АЛЕКСЕЙ. Что? *(Молчит.)* Она совсем облилась, как голая стала. Что на ней за платье?

СОЛОВЕЙ. Простынь старая. Сшили такую платью ей. Бедны-а-ая! *(Пиликает на гармошке.)*

АЛЕКСЕЙ. *(Поправляет.)* Такое платье.

СОЛОВЕЙ. Чего? Я говорю: мы бедны-я, несчастны-я. Мы за квартиру пять лет не платим.

АЛЕКСЕЙ. Платим.

СОЛОВЕЙ. А? Я говорю: телефон был - отключили, газ был - отключили, радио - отключили. Теперь ждём свет отключут и конец свету включут, тогда нам могила, как я образно другой раз скажу. *(Смеётся, играет на гармошке весёлое.)*

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. Надо заплатить.

СОЛОВЕЙ. Ну вот, ты и заплотишь.

АЛЕКСЕЙ. Да, мне привезут сейчас деньги и мы за всё заплатим. Я не сошёл с ума, вы что думаете - сошёл? Я за всех заплачу. Скажите ей, старик, чтобы она что-то надела на себя, а то она как голая, облилась вся.

Лаура смеётся, вылила остатки сока на голову.

СОЛОВЕЙ. Лаурка! А ну, танцуй, танцуй, сучка такая! *(Играет, Лаура хохочет, танцует. Соловей кричит Алексею:)* А тебя что, голые женщины возбуждают? А мне дак ничего. *(Смеётся.)* Или тебе голые до фени?

АЛЕКСЕЙ. Мне всё равно, хоть вы нагишом, хоть нет, я тут временно, это ваши дела, старик.

СОЛОВЕЙ. Да какие дела? Как сажа бела! В Кремле дела, а у нас в домишке только делишки! *(Смеётся.)*

Лаура пошла из коридора по лестнице вниз. Матрас из-за двери упал, загородил дорогу.

АЛЕКСЕЙ. Да, я временно, завтра, нет, послезавтра перееду. Я боюсь. Я много чего боюсь. Я просто дико, страшно, ужасно... *(Замолчал, смотрит на Соловья.)*

СОЛОВЕЙ. Что?

АЛЕКСЕЙ. Боюсь СПИДа. Боюсь заразы. Кругом зараза. *(Курит быстро и нервно, стучит пальцем по сигарете, пепла на ней нет, а он стряхивает и стряхивает его.)* Я не открываю двери руками, натягиваю на руки рукава рубашки или пальто, и тогда открываю, а так - нет.

СОЛОВЕЙ. И что?

АЛЕКСЕЙ. И тапочки чужие в гостях не надеваю. Грибок везде. В бани не хожу. Там всё несвежее. Ненавижу. Если что несвежее - сразу чувствую. Боюсь. Руки не подаю, когда здороваюсь. Боюсь заразиться.

СОЛОВЕЙ. И что?

АЛЕКСЕЙ. *(Очень быстро.)* Ещё ненавижу стихи. Стихи - это сопли, а сопли - грипп, зараза. Человек руками вытирает сопли, а потом этими руками здоровается, понимаете? Просто уши режет, режет уши, если кто стихами. А еще люди плюют на пол. Это испаряется и садится у нас на носоглотке.

СОЛОВЕЙ. А ты уже пятую мою сигаретку куришь.

АЛЕКСЕЙ. Я куплю вам, старик. Потом.

СОЛОВЕЙ. Как же ты жить тут будешь? Мы - засранцы. Я лично у мамы - вместо швабры. А ты так твёрдо, резко сказал, я аж вздрагиваю! Такой ты непоко-бе-ли-мый, как я образно скажу другой раз! *(Поёт.)* “Однажды я пошла купаться-а-а! За мной следил банди-и-ит! Я стала раздеваться! А он и говорит: “Какие у вас ляжки, какие буфера! Позвольте вам...”” *(Кашляет, хохочет.)*

АЛЕКСЕЙ. Перестаньте! Я не люблю такие слова. К чему вы это?

СОЛОВЕЙ. А стихи потому что! Закричал ты, ага, правда! Проверить думал, как тебе уши режет, отрезает, обрывает, отрезывает-ит-ит!

АЛЕКСЕЙ. Еще я люблю хорошо сложенных людей. Я инвалид, нет, я временно нетрудоспособный, мне нужны деньги на лечение, вылечусь и стану здоровяк. Пожалуйста, не играйте, он такой резкий, этот звук этого инструмента вашего, как он там называется?!

СОЛОВЕЙ. Инструмент называется - русская народная гармонь-штейнка!

Смеётся, оставил гармошку, курит, смотрит на Алексея. С цветами в руках пришла с улицы Лаура, поставила матрас на место. Вороны кричат за окном. Лаура раскидывает цветы по коридору, смеётся.

АЛЕКСЕЙ. Слушайте, что она ходит? Почему поёт? Разве время для песен?

СОЛОВЕЙ. Сожительница. Лаурка! Лариска на деле. Зову покрасивше. Придуривается. Я придуриваюсь, и она придуривается, чтоб не работать. А с придурью легче. В постели-то она всё соображает. А я и не заставляю работать. Я лентяюга сам. Волобуйничать люблю! Пьянчужка сам, на гармошке игрок сам я, мне бы не работать, а лежать, в потолок смотреть, где-нибудь чего-нибудь спереть бы, да и жить. А работать не люблю. Пять лет на вагонах проводником пробыл, а потом - да иди вы. Пожрать себе и ей найду, огород вон, картошку посадили, весна, ура, до травки дотянули, а ну танцуй, Лаурка! *(Играет на гармошке.)*

Лаура кидает цветы на Соловья. Тот ухватил её, усадил себе на колени, Лаура отбивается.

Мы с ней в баню вместе ходим, в мужское отделение! Она там в одежде моется!

АЛЕКСЕЙ. В баню в одежде?

СОЛОВЕЙ. А чего? Всё равно! Так-то она в речке купается, а в одежде со мной моется за компанию. Её от себя никуда не отпускаю.

АЛЕКСЕЙ. Впрочем, правильно, что в баню вместе. Вы правы. Всё дозволено. Всё должно быть дозволено. Один раз живём и потому - дозволено. Я слышал, старики часто женятся на молодых, это нормально, потому что они как бы дают энергию для продолжения жизни, молодые, так сказать, старикам.

СОЛОВЕЙ. Ёрики-маморики, слушай, какой я тебе старик?

АЛЕКСЕЙ. Я люблю русский народ и говорю с ним доступным ему языком.

СОЛОВЕЙ. Да кто тут тебе старик-то?

АЛЕКСЕЙ. Вы - старик. Вы тот самый старик. Вы не беспокойтесь, я понимаю, что это всё сон, моё больное воображение. Я вас сразу узнал, сразу, да.

СОЛОВЕЙ. *(Молчит.)* Какой сон? Как ты меня узнал? Тебе сколько лет?

АЛЕКСЕЙ. Мне сорок.

СОЛОВЕЙ. И мне сорок.

АЛЕКСЕЙ. Как сорок?

СОЛОВЕЙ. Так сорок. Паспорт покажу, хочешь? Ты какого числа?

АЛЕКСЕЙ. Пятого. Пятого мая. Пятого.

СОЛОВЕЙ. И я пятого. Мая пятого дня.

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, нет, нет, нет. *(Молчит.)* Шутите, да? Правда? Нет?

СОЛОВЕЙ. Кривда, да. Нет.

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. Хорошо. Может быть. Всё может быть в жизни. Мы с вами в один день, в один год родились. Но мы даже не похожи.

СОЛОВЕЙ. Даже близко не лежали не похожи, как я образно другой раз скажу.

АЛЕКСЕЙ. Почему вы всегда говорите это вот? Что это значит?

СОЛОВЕЙ. А ничего! *(Смеётся.)* Ехал в поезде парень весёлый, так говорил. Вот и прилипло ко мне на сто лет. “Образно”, да “образно”, а что, чего - не знаю, красиво и всё! Ой, насмотрелся в поезде, всю жизнь вспоминать надо! Всю Расею объехал. Вот, приехал в Караганду - думаю: город гомиков. Все мужики ходят, а глаза подведенные. Думаю, да что ж такое, одни падлы?! Потом понял: шахтёры! *(Смеётся.)* Из-под век не отмывается угольная пыль у них! Нормальные мужики. А глаза накрашенные! А думал: Караганда - город гомиков!

В окно бьётся ласточка, стучит крыльями по стеклу.

АЛЕКСЕЙ. Что это она?

СОЛОВЕЙ. С ума сошла, поди. Бывает и у птичек такое разное всякое.

Смотрят на ласточку. Она побилась, побилась и упала в траву возле дома. К упавшей ласточке по крапиве кинулись кошки, возятся в траве. Кровь ласточки по стеклу размазалась. Соловей хмыкнул, смотрит на Алексея. Алексей с ужасом глядит в окно, не может оторвать взгляда.

АЛЕКСЕЙ. Что это? Что это? Это что?!

СОЛОВЕЙ. Да что, что. Чего-то случилось, непорядок в доме, вот и решила - чем жить так, помереть. Птичка - само-убий-чка! *(Хохочет.)*

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. Мы будем дружить.

СОЛОВЕЙ. Мы-то? Ага. *(Чешет голову, смеётся.)* Вши, что ли, завелись, башка чешется. *(Молчит.)* Лаурку поймал с полгода назад, вечерочком, к мосту шла, туда все ходят, в день по пять штук бывает. В смысле, ночью. Прямо на камни кидаются. А я, тварь такая, встану у окошка, покуриваю и смотрю, как они там, идут. Охранникам деньгу дадут, те пустят на мост. Правильно, потому как бесплатный сыр только в мышеловке, как я образно, однако, другой раз скажу! А с утра на камнях милиция остатки соскребаёт. Бывает, месяц никого нету. Потом раз, раз, раз - пачкой, штук десять прыгнет. Потом опять тихо. И во дворе сидят, бывает, под берёзой, плачут сначала, а я смотрю в окошко, хихикаю, падла. А они молятся, плачут, одна берёзу обнимала, прямо играла, страх Божий, что играла! Ну, вот Лаурка тоже туда было пошла, а я в огороде. Чего-то пожалел, взял, привёл, накормил. Живёт, умирать не хочет! Ей вот прикажешь что - делает. Слушает. Сказал: “На мост - ни-ни!” Боится меня. *(Смеётся.)* Так что, сберёг дурочку. А в баню, да, вместе. Возьмём веник срубим, во дворе, с березы, тут вот. Как листья вырастут, мы с веничком в ба-а-а-аньку, да, Лаурка?

Лаура ходит по коридору, простынь на голову надела как фату, поёт, цветы раскладывает. Стукнулась о фортепиано, села на пол, зажимает рукой бок.

Там мужики в бане, так? *(Хохочет.)* А это хорошо ты сказал, прямо как радио, мне понравилось: живи как хочешь, снова живём!

Одна за другой едут машины, обливают дом грязью. Вороны каркают, ласточки строят гнёзда. Землемер подошёл почти к дому, всё так же землю меряет, ловко перекидывая с места на место острые ножки треугольного метра. Идёт, говорит что-то громко, вороны над ним кружат. Лаура “едет” по коридору, фырчит: “Дыр-дыр-дыр!”

АЛЕКСЕЙ. Да, да. Они привезут деньги, Лариса. Я буду звать вас “Лариса”, а то странно, тут - и вдруг называть кого-то таким странным именем - Лаура. Да, Лариса! Я очень люблю народ. Папа академик был, но из народа и тоже любил его, говорил мне об этом, воспитывал меня таким образом. *(Молчит.)* Привезут, вы не думайте. Думаете, я наврали? У нас вечером будет праздник, привезут, конечно! Мы купим еды, тут вот стол,

сядем под лампочку, и так хорошо, все, все заботы прочь, сядем, и хорошо, и будет хорошо, и выпьем!

Лаура всё так же “едет” по коридору. Доезжая до одной из половиц слева у тех дверей, что на замках, перепрыгивает через них, прижимается к стенке, пугается, снова и снова перепрыгивает через одну и ту же половицу.

Она смешная, весёлая, будем дружить, да? Нас отсюда скоро всех переселят, но мы будем дружить, мы будем друзьями по несчастью, вот как я сказал хорошо, да?

СОЛОВЕЙ. *(Чешет горло.)* По какому по несчастью?

АЛЕКСЕЙ. Ну, не по несчастью, по обстоятельствам жизни, так, да?

СОЛОВЕЙ. А мы несчастные с Лауркой? С чего взял? Кто сказал, отсюда переедем?

АЛЕКСЕЙ. Мой друг, который сейчас привезёт деньги, говорил. Когда низкие потолки - не мечтается, там было высоко, но не так, как у вас, не мечталось, я только впадал в задумчивость, а у вас можно впадать в мечтания! О, я люблю мечтать! Меня всё время преследуют видения, мечтания. Но я не сумасшедший. Это моя такая игра, как ребёнок играю, придумываю что-то, так веселее. Да, старик? Вот и вы - материализовались из моих мечтаний.

СОЛОВЕЙ. Да какой я тебе старик-то, заладил?

АЛЕКСЕЙ. Ну, тот, что говорит французские слова и играет на пиле.

СОЛОВЕЙ. Чего? *(Смеётся.)*

АЛЕКСЕЙ. *(Молчит.)* Простите. Это я так. Я хотел сказать, что у вас лепные потолки, а там - не было. Будем дружить?

СОЛОВЕЙ. А чего не будем? Будем. Бууу-дем! Только я сильно стихи люблю, и за руку здороваюсь, вот беда. Ну, всё равно ведь можно найти констнтитенцию, как я образно, однако, скажу другой раз, нет?

АЛЕКСЕЙ. Да, да, конечно!

СОЛОВЕЙ. А ты понял, что я сказал?

АЛЕКСЕЙ. Нет, но понял, что вы подразумевали.

СОЛОВЕЙ. Как же ты мог понять, что я сказал и подразумеваю, если я сам не понял, что я сказал? Если я это слово вот как раз выдумал, когда говорил, э, одногодка моя, слышишь? Что ж ты понял?

АЛЕКСЕЙ. Я всё понял, всё! *(Смеётся.)*

МОЛЧАНИЕ.

СОЛОВЕЙ. Я вот тоже понял, что ты чего-то мне так сильно угодить хочешь, как я образно скажу, однако, другой раз, а почему - не знаю.

АЛЕКСЕЙ. Я хочу дружить!

СОЛОВЕЙ. А как же мы будем дружить, если ты руки не подаёшь? Я люблю, чтоб за руку, чтоб сильно, чтоб со всей силой и крепкостью. А ты?

АЛЕКСЕЙ. Нет, я же не всегда не подаю руку, я тоже могу подать руку, ну что вы обо мне думаете, что я сумасшедший, я подам. Даже с радостью. Вы ведь не заразный?

Соловей вытер пальцем нос, палец вытер об штаны, улыбается. Смотрит на Алексея.

СОЛОВЕЙ. Я-то не заразный? Я сильно заразный, как я образно скажу другой раз. Ну ладно, чего там. Иди сюда. На ухо. Спросить хочу давно. Вот ответь мне, раз ты писатель...

АЛЕКСЕЙ. Я не писатель.

СОЛОВЕЙ. Как не писатель? А эта - твоя? *(Ткнул в фортепиано.)*

АЛЕКСЕЙ. Моя.

СОЛОВЕЙ. Ну, говорю - писатель. Слушай. *(Снова вытер соплю и размазал по колену.)* Ты вот мне скажи: почему в поездах, особенно на северных направлениях, всю жизнь глухонемые ходят и порнуху продают. И что характерно - отметь! - только глухонемые!

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. Да?

СОЛОВЕЙ. Я и говорю: да-а-а! Одного решил я проверить и как пукну сильно при нем. Он даже - ноль, реагажа нету. Почему?

АЛЕКСЕЙ. Не знаю.

СОЛОВЕЙ. Не знаешь. И никто не знает. Необъяснимый закон природы, как я образно скажу другой раз. И будто не унюхал даже чего, вот что интересно! А ведь носопырка у него есть, была, то есть? Как объяснить?

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. Почему она прыгает всё время через эту половицу?

СОЛОВЕЙ. Потому что там - ток.

АЛЕКСЕЙ. Как - ток?

СОЛОВЕЙ. Да так - ток. Так-ток, так-ток, так-ток! Слушается! *(Смеётся.)* Моя! Дождь, весна, с крыши каплет - ток пробивает, и прямо в ту половицу бьёт.

АЛЕКСЕЙ. Как - бьёт? Это же очень опасно, надо что-то предпринять?

СОЛОВЕЙ. Предпринять?

АЛЕКСЕЙ. Ну, сделать?

СОЛОВЕЙ. Мы за квартиру не плотим пять лет, что сделать? *(Смеётся.)* А вон библиотеку всю наскрозь пробивало, никто не мог войти, двух читателей убило.

АЛЕКСЕЙ. Неправда. Пугаете нарочно.

СОЛОВЕЙ. Правда. Может, они за знаниями пришли, руку протянули к двери, к ручке дверной, как я образно скажу, однако, другой раз, а их шарах и - нету. Вот и уехали они. А у нас одна только половица наэлектриченная. Пока. Может, скоро всех начнёт бить-убивать, убивать да бить, я даже и не знаю.

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, не может быть, нет, он не рассказывал мне.

СОЛОВЕЙ. Кто? Чего? Почему? Про что? Про читателей?

АЛЕКСЕЙ. Нет, так. Ничего. Вы так говорите, будто это национальность: читатели.

СОЛОВЕЙ. Не веришь? Вчера вот кошка забежала и прямо по этой половице рванула идти, дура, шерсть на ней дыбом, загорелась, синий пламень и - смерть, смерть-смерть-смерть! - и страшно, страшно, страшно, страшно. *(Смеётся, играет на гармошке, поёт.)* Люблю грозу в начале мая! Когда весенний первый гром! Как саданёт из-под сарая, что фиг опомнишься потом! Не веришь? Ну, ступи на половицу - шарахнет уй как!

АЛЕКСЕЙ. Надо громоотвод поставить.

СОЛОВЕЙ. А громоотвод-то пошто?

АЛЕКСЕЙ. Не знаю, я не силен в технике. Я историк по образованию, мой отец академик Сорин, его именем названа эта улица.

СОЛОВЕЙ. Ты сто раз сказал-повторил. Академиков тут не хватало. *(Смеётся.)*

АЛЕКСЕЙ. Это правда! Паспорта у меня нет, я сдал на документы на квартиру, на оформление денег и прочее, но сейчас привезут всё. Я покажу паспорт обязательно, но не для того, чтобы похвастать, что мой отец такой большой человек был, а чтобы вы увидели, что мы действительно родились в один год и один день.

СОЛОВЕЙ. А мне зачем?

АЛЕКСЕЙ. Ну, чтобы мы подружились!

СОЛОВЕЙ. Да зачем нам с тобой дружить?

АЛЕКСЕЙ. Мы же в один день!

СОЛОВЕЙ. Ну? Я верю. И без паспорта. А вот ты мне веришь?

АЛЕКСЕЙ. Про что?

СОЛОВЕЙ. Про половицу?

АЛЕКСЕЙ. Теоретически - да.

СОЛОВЕЙ. А практически?

АЛЕКСЕЙ. Не понимаю?

СОЛОВЕЙ. Не веришь! Встань тогда на половицу и узнаешь - стукнет или нет.

АЛЕКСЕЙ. Я верю.

СОЛОВЕЙ. А я вот наврал.

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. Ну тогда не верю.

СОЛОВЕЙ. Дак веришь или не веришь?

АЛЕКСЕЙ. Не знаю.

СОЛОВЕЙ. Ну, тогда дай пять. Ну, дай кардан? А?

Снова вытер соплю под носом, руку об штаны протёр и протянул её Алексею. Тот подумал и пожал его ладонь. Соловей, не выпуская его руки из своей, другой рукой быстро задрал рубашку Алексея до локтя, потом поправил рубашку на Алексея, смеётся. Принялся ходить широкими шагами. Погладил статуэтку кошки.

Вот где собака зарылась. “Дружить”, “товарищ”, говорит. На твоих товарищей рыба хорошо клюёт. А под умного канаешь. Ага. Да, да, кошка. Синим пламенем сгорела. У нас порода вывелась в траве и вокруг дома. А как: приبلудились две кошки, у обоих по одному глазу не было. Так от рождения. Стали рожать кошек море, расплодилось море, крыс море, кошек жирных море, только все кошки - без глаз. Увидишь. Необъяснимый закон природы.

Лаура пошла из коридора по лестнице, матрас упал, загородил дорогу. Соловей поднял его, поставил на место.

Райкин матрас. Райка - это песня. Сама себя тут поселила. Живёт тут в коридоре начальница. Сейчас придёт, тебя погонит. А то начальников развелось, да все с гонором, да все такие непростые, как я образно, однако, скажу другой раз.

АЛЕКСЕЙ. *(Тихо.)* Ты?! Дебил!!! Я ненавижу вас, таких!!!! Ты - туман, марево, тебя нет для меня, нет!!!

МОЛЧАНИЕ.

СОЛОВЕЙ. Как так? *(Смеётся.)* За что? Ты же говорил: старик, старичок, русский народ, ой, народ, ай, народ. Вот - я народ.

АЛЕКСЕЙ. Ты не народ. Ты - быдло.

СОЛОВЕЙ. А ты не быдло?

АЛЕКСЕЙ. Я болен, это уколы, мне надо лечиться, я потому продал квартиру...

СОЛОВЕЙ. Ты ж сказал она тебе надоела, в ней не мечталось, темнила?

АЛЕКСЕЙ. Не смей говорить со мной так нагло, ты?! Он ничего не рассказал мне про комнату, они перевезли вещи, он не пришёл перевозить, пришли грузчики, он позвонил, сказал, что придёт машина, перевезёт, я не видел этой комнаты, я ему доверяю, и тут неплохо, неплохо, мне нравится, тут очень просто, без выпендрёжа, машины ездят, мне тут нравится, нравится, нравится! Я болен, переезд - тоже, что пожар! Это фоно уберу, нет, буду по вечерам играть!!!

СОЛОВЕЙ. Накололи тебя. Понял уже? *(Смеётся.)* Хорошо!

АЛЕКСЕЙ. Мы должны дружить. Мы будем соседи.

СОЛОВЕЙ. Дружи-и-ить? Да мы разные по шерсти с тобой.

АЛЕКСЕЙ. Мы в один день, в один год, дайте руку, будем дружить, общаться, разговаривать по ночам, по вечерам, у меня это от уколов!

СОЛОВЕЙ. Да, да. Вот такие кошки. Стали рождаться кошки без глаз. Море, прямо ползают вокруг дома, как червяки и все без глаз. Но с ногами зато.

АЛЕКСЕЙ. Ну, зачем пугаете, у меня нервы на пределе, это же неправда, зачем рассказываете это? Послушайте, ведь я сын академика Сорина, подумайте, надо со мной дружить, на всякий случай дружить, ведь, если у вас нет доброго сердца, то пусть хотя бы будет хитрый ум, я ведь могу пригодиться, слышите?

СОЛОВЕЙ. Да, да. Думаешь, от чего? Думаешь, необъяснимый закон природы? Думаешь, кошачий СПИД? Не-ка. Говна-пирога. Кровосмешение! Как я образно, однако, скажу другой раз.

Забрал гармошку, пошёл в свою комнату, стукнулся боком о фортепиано, скривился, смеётся. Ушёл к себе, гремит там банками. Алексей сидит на стуле. Вертит головой, хватая палки, которые скользят и падают, морищится.

АЛЕКСЕЙ. Странный старик, нет, не старик, он одногодка, а выглядит как старик, этот ваш супруг и спаситель, да? Он похож на одного старика, да, одногодка, пусть не врёт, он тот самый старик, я знаю! Тот самый, тот самый, но мне надо успокаиваться, мой придуманный мир, мой мир грёз путается с этим миром, я успокоюсь, у меня нервы, у меня нервы, у меня нервы...

На улице крик. Алексей, держась за стены, с трудом идёт на балкон, смотрит на проходящего мимо дома в жёлтом дождевике землемера.

ЗЕМЛЕМЕР. *(Кричит, смеётся.)* Кошка-копилка, девка-дурилка, кошка-копилка, кораблю крутилка! Разбилась копилка! Прощай, милка! Разлилось молоко! Bonne chance! Ça va! Un bijou!

АЛЕКСЕЙ. *(Смотрит сверху на землемера, кричит ему:)* Эй?! Вы что там такое говорите? Вы что за чушь несёте? Прекратите! Старик, слышите меня, нет, ну?!

Лаура вернулась, ходит по коридору.

Землемер остановился, задрал голову, смотрит на балкон, на Алексея, смеётся.

ЗЕМЛЕМЕР. А я землю меряю!

АЛЕКСЕЙ. Зачем?

ЗЕМЛЕМЕР. А чтоб знать, сколько у меня земли!

АЛЕКСЕЙ. А это что - ваша земля?

ЗЕМЛЕМЕР. *(Смеётся.)* Моя!

АЛЕКСЕЙ. А зачем вы говорите эти слова? Что это значит?

ЗЕМЛЕМЕР. А не знаю! Что на ум придёт, то и говорю! Tout ca est une blague! *(Поёт.)* Кошка-копилка! Копилка-кошка! Подожди немножко! Выгляни в окошко! Кошка-копилка! Прощай, моя милка!

Засмеялся и быстро пошёл прочь, уже не меряя, а волоча за собой треугольный метр. Алексей постоял ещё секунду, трёт лоб. Молчит.

АЛЕКСЕЙ. Бред. Туман. Бред, бред. Старик-землемер? *(Лауре.)* Послушайте, вы видели, там кто-то проходил? *(Лаура смеётся.)* Да, действительно, смешно, мне показалось, я болен, болен... Эй, вы курите? Дайте сигарету, у меня кончились, мне привезут деньги, я куплю много, пачку, нет, блок сигарет куплю, самых дорогих и отдам вам. *(Молчит.)* Видите, как вышло? Мне сорок лет, а нет никого, никого, кому я мог или могу довериться и доверить, все и всё с прицелом: я тебе, а ты мне, ни одного бескорыстного, бескорыстного, бескорыстного человека! Я начал катиться, а все мне только помогают

тонуть, никто не подаст руку. Но это - жизнь, да, Лариса? Страдание - жизнь. Всё очень хорошего. Без страдания - молебен, свято, но скука. Надо страдать, даже хорошо! Вы не видели никого там? Мне показалось, да? Конечно, показалось. Слышите?

Лаура смеётся, прыгает через половицу. Подняла пёрышко с пола, дует на него, пёрышко летает. Лаура взяла фаянсовую кошку в руки, трясёт её, слушает, как денежки в копилке звенят, смеётся, гладит кошку.

По лестнице идёт с сумками в руках Раиса, толстая, в коротенькой юбочке и парике. Идёт, жуёт жвачку. Вошла, матрас упал на неё, парик сбил. Раиса парик поправила, сумки поставила у плиты. Парик у Раисы высокий, он тут же приклеился к ленте для мух. Раиса сорвала ленту вместе с париком, села на матрас, вытянув ноги. Тяжело дышит. Положила парик рядом с собой. Достала деньги из лифчика, пересчитала. На Раисе полосатый свитер с надписью "BOY". Раиса смотрит исподлобья на Алексея.

РАИСА. Это чего тут вы это заставили коробками? Это кто тут? Ты чего сел? А?!

АЛЕКСЕЙ. Добрый день. Вы Раиса, да? Мы будем соседями. Я Алексей. Мы познакомились с Иваном, он сказал, что вы тут ещё живёте и всё. Я немного оклемаюсь и приберу тут в коридоре, и фортепиано это разберу. Оно не будет так мешать вам. Комнатка оказалась маленькая, всё не влезло, у отца были разные вещи, много их, хотя я много уже и продал, в частности, всю библиотеку.

РАИСА. *(Молчит.)* В частности.

АЛЕКСЕЙ. Что? Да, в частности. Вещи мне пришлось оставить как реликвию. Скажем, эту статуэтку кошки-копилки. Она большая, очень старинная, это семейная реликвия, приносит счастье, от прадедушки нашего, он был дворянин, осталось, у неё глаза светятся в темноте. Впрочем, если вам что-то нравится из моих вещей, я могу подарить вам, или вы можете купить у меня. Ну да, у меня скоро будет много денег, сегодня, через час-полтора, может, раньше, мне привезут деньги, и всё пойдёт на лад, я очень люблю народ, я очень люблю простой русский советский народ, очень, очень, очень.

МОЛЧАНИЕ.

РАИСА. *(Раиса подошла к подоконнику, ест лук.)* Закрой ротяку.

АЛЕКСЕЙ. Что?

РАИСА. Закрой ротяку, я тебе сказала! Соловей, а ну иди сюда! Иди сюда, тварь!

Раиса выплюнула жвачку в бумажку, бумажку спрятала в лифчик. Стучит в комнату Соловья, тот держит изнутри дверь, смеётся.

АЛЕКСЕЙ. Мне тут нравится, я принимаю условия игры. Да! *(Смеётся.)* Я ведь всему поверил, хотя похоже на паранойю, я даже в гнилую половицу, которую пронзает электрический разряд, тоже почему-то поверил, я поверил, да!

РАИСА. Ну, выйдешь ты, падла, выйдешь! Кто лук ел? Лаурка? Ну, получите вы у меня оба два сегодня! Как фамилия?

АЛЕКСЕЙ. Фамилия? Моя фамилия? Сорин моя фамилия, Алексей Сорин. Мой папа был академиком, знаменитым человеком, он умер несколько лет, пять лет назад, Сорин моя фамилия, в его честь названа эта улица, да, да.

РАИСА. Закрой ротяку, сказала?! Так и знала: тайные общества начнут вредить. Достали и тут меня. Сорин. Ага. Все фамилии на "ин" - евреи. Кругом тайные общества. Даже тут теперь. Слетелись, как мухи на говно, правильно! Здрасьте! Теперь будут в моём доме. Ты знаешь, что это мой дом? Да что они мне житья не дают все? Только оклёмовываться начну, они тут как тут, давай меня, вороны проклятые, шпынять, клевать? Чего надо от меня, чего, ну?! Мой дом, слышишь?!

АЛЕКСЕЙ. Да, конечно, ваш.

РАИСА. А откуда ты тут в моём доме появился? Кто разрешил? Ну?!

АЛЕКСЕЙ. Но он и мой, моя комнатка, эта, но я скоро уеду, мы все скоро переедем, мы все получим квартиры, когда нас снесут, а мы подружмся тут друг с другом, в этом развале кошмарном подружмся, но переедем в квартиры в новостройках, обычно там дают квартиры тем, кого сносят, ну, хорошо, получим квартиры, будем ходить в гости, на десятые, на пятнадцатые этажи, я выздоровлю, буду ходить по лестницам, если лифт не будет работать, буду принимать гостей и ходить в гости!!!

МОЛЧАНИЕ.

РАИСА. Кончай базарком, ты, “ин”. Я что сказала? Это мой дом, я русский человек, и, значит, русским будет хорошо, а не “инам” разным, понял? Ты кто? Я всех повыселяла, я с бумагами год шляюсь по кабинетам, на матрасе сплю, добро сторожу, вдруг ты, когда я всех выселила, библиотеку выселила, ну? Ты кто, конь бельгийский?!

АЛЕКСЕЙ. Я по обмену, по нормальному обмену...

РАИСА. Ты что на что обменял, задротыш, ты понимаешь, нет? Тебя кто толкнул сюда с бараклом твоим? Ну?!

АЛЕКСЕЙ. Я папину трёхкомнатную за доплату - на комнату.

РАИСА. Папину? Ага? Трёх на одну? Меня прям убивает этот уровень. Короче, дверь я твою на замок закрываю, а тебя - сейчас машину тормозну - и на помойку выволоку, понял? Мне чхать, что тебя наживулили, я всех не пожалею, меня кто бы пожалел! *(Кричит.)* Ты знаешь, я кто?! Соловей, иди, паскуда, сюда?! Ты дома был, когда он приехал! Разрешил, предателя проклятая, иди сюда!

Соловей изнутри держит ручку двери, хохочет.

(Кричит.) Я моё охраняю тут, я моё забираю, мне перестройка отдала, у меня документов сколько, все с печатищами, у меня тут гостиница будет, у меня дело, фирма, а он поперёк дороги лёг, приехал, сукача кусок! Погоди, погоди!

Схватила Алексея за грудки, трясёт. Вышел Соловей, пьёт сок из банки, смеётся.

СОЛОВЕЙ. Давай, давай, Райка, наша девочка-вкуснячка пришла, покажи ему, кантуй помалу, Райка!

РАИСА. Ты почему их сюда пустил, конь бельгийский?!

СОЛОВЕЙ. Будьте-на-те-пожаловали! А я муж? Ты жена? *(Смеётся.)* Разберись! *(Роемся в сумках, которые Раиса принесла с собой.)* Принесла в клюве чего, нет?

РАИСА. Долбак, я накормлю вас, я дам вам, я дам, дам!

Лупит Соловья сумкой по голове, тот уворачивается, за фортепиано прячется, смеётся. Приклеился головой к ленточкам для мух, обрывает их.

СОЛОВЕЙ. (Смеётся.) Бабуин Райка с ума сошёл, орёт, аж зубы вспотели!

РАИСА. Молчать, конь бельгийский, долбак, долбачина, долбачище!!!!

Раиса стукнулась боком о фортепиано, охнула, бок рукой зажала. Схватила за банку с соком, пьёт из неё, плачет.

СОЛОВЕЙ. (Поёт, Алексею.) “Ехали китайцы, потеряли яйца!” А вот ещё что тебе скажу: про половицу. Не веришь ты, да? А хочешь, я тебе докажу: вот в неё встану сейчас и сгорю пламенем, чтоб доказать. Хочешь? Райка или ты хочешь?

РАИСА. Предателя, Соловья, предателище, предателя! *(Алексею.)* Погоди, сейчас машину подгоню, погоди у меня, стой, стой!

Пошла по лестнице на улицу, потом по огороду в туалет, закрылась. Кричит что-то оттуда.

СОЛОВЕЙ. “Елки-палки лес густой, ходит Ванька холостой!” Шнуруй валенки, сейчас выкидывать будут! Задом чувствую, будет развлекуха! Райка дохлого задрючит! Впежит по самые гыгышары! Гы-гы-гы! *(Смеётся.)*

АЛЕКСЕЙ. Послушай, может, ты выпить хочешь, мы выпьем, мы, конечно, выпьем, как русские...

СОЛОВЕЙ. Ну, ты, одногодка, однодневка моя, хочешь советского цирку с огнями или нет? Хочешь встану и сгорю?

АЛЕКСЕЙ. Мы выпьем, выпьем, как русские...

СОЛОВЕЙ. А с чего я с тобой пить стану? Ты, что ли, русские? Или я тебе - русские? Ты ж говорил я - дебилло, дебиллиссимо? *(Смеётся.)*

АЛЕКСЕЙ. Нет, я болен, мы с вами выпьем, хочешь - на ты, мы одногодки, мне привезут много денег, мой друг, хороший друг приедет, к вечеру, даже лучше, если к вечеру, мы устроим сабантуй, можем пойти в ту беседку в саду, на воздухе, так классно там будет, или вот на балкон, тут так хорошо, я сыграю вам, а вы будете танцевать, я сыграю на фортепиано, будем смотреть на закат, на солнце, анекдоты сядем поговорим, посмеемся, поржём и тогда... Вот, едет машина, машина, вот!

Кинулся к разбитому окну, повис на подоконнике. Проезжавшая мимо машина бухнулась в канаву и столько воды грязной ухнуло на дом, до второго этажа достало, Алексея обкатило - одежду, лицо. Алексей повернулся, с него грязь течёт. Соловей смеётся, идёт к себе. Лаура пришла, смотрит на Алексея, улыбается.

(Размазывает грязь и слёзы по лицу.) Сейчас привезут, вы не верите? Это друг, оформил документы, я не мог не доверять человеку, с которым так много было, много связано, это уколы от лекарств, что вы такое подумали? Бывает же всякое у людей, могут они попасть в сложное положение, вот и я попал, что ж тут такого-то? Я перекручусь и у меня снова будет порядок: квартира, и прочее! У меня сил нет, переволновался с переездом, а тут мне нравится, это мои мечтания, мне тут хорошо. *(Трёт лоб рукой.)* Даже хорошо, что здесь нет телефона, очень хорошо. Мне надоел он. Телефон не работает, и я вдруг увидел в этом счастье: да ну вас всех к чертовой матери, что вы мне можете хорошего сказать, так? *(Смеётся.)* А если кому надо - найдут, нечего бояться. А то в ночь-полночь могут позвонить, приехать, прискакать, разбудить, влезть сапогами в жизнь в мою. Иногда мне там, у папы, хотелось отключить телефон, но отключишь, и думаешь: а вдруг кто-то хочет сообщить важное, и у тебя есть возможность это важное услышать, но ты сам отключил и рука невольно тянется, и сама собой включает телефон и опять пустые, пустопорожние разговоры, звонки. А тут и газа нет, и если есть озарение, то есть, желание самоубийства, а оно всегда есть у людей, - вы слышите? - то здесь можешь быть спокоен, что нет самого лёгкого и доступного самоубийства - газа. Да ведь? То есть, надо изодраться. Вы понимаете? Конечно, вы правы, тут везде поджидает смерть. И этот мост, на котором, понятно, да? И смерть, и эти кошки, и эта береза, и эти ласточки - всё смерть, всё смерть. Вы понимаете? *(Пауза.)* Нет. Зачем я говорил о самоубийстве? Глупость. Вы не поверили мне? Нет, конечно. И правильно. Когда человек хочет жить, он думает о лекарствах, о том, как вылечиться, я тоже, я думаю об этом, и при чём тут самоубийство, не понимаю, потому - не слушайте меня, не надо. *(Пауза.)* Когда меня грузчики вволокли, втащили по лестнице сюда, бросили тут, я подумал: а если я никогда не спущусь вниз? Слышите? Что тогда? Никогда? Слышите?

Соловей, шаркая валенками, ходит по коридору, улыбается.

СОЛОВЕЙ. Не глухие. А с другой стороны, хоть жалко, на тебя глядячи, как облапошили, а с другой стороны, а думаю: а всё ж таки одно и одно - а хорошо.

АЛЕКСЕЙ. Что хорошо?

СОЛОВЕЙ. А вот хорошо.

АЛЕКСЕЙ. Да что же именно?

СОЛОВЕЙ. А то именно, что и вам, сукам, достаётся. Не всё же нам, червячкам, в землю утоптаным быть. Пусть и вам, орёликам пернатым, перепадает иногда, не всем хоть, но тоже, пусть. Богатые тоже плачут! Приятно по сердцу, что и вы можете так же, как и мы. Ладно, тихо, это я куражусь, озорую, гусарю. *(Смеётся.)*

АЛЕКСЕЙ. Я временно на этом дне, я уеду отсюда!

СОЛОВЕЙ. Вытолкает. Райка, в смысле. Сейчас погадит, придёт и вытолкает. Это второй этаж. Дна ты не видел пока. На дне, на первом этаже, у нас “выблитека” была. Знаешь, что такое “выблитека”? Ну то-то. Съехала “выблитека”. Током стало бить, половину, то есть, двух читателей поубивало!

АЛЕКСЕЙ. Сейчас привезут деньги, я вас всех засыплю деньгами!

СОЛОВЕЙ. Засыпь. Лаурка, пошли, хватит тут! Ты чего ему глазки строишь? Понравился, что ли, доходяга эта тебе? Ну, я тебя погоняю!

ЛАУРА. Он хороший.

СОЛОВЕЙ. Ишь, разговорилась! *(Вырвал из рук Лауры кошку-копилку.)* Поклади! Ещё ты мне тут будешь говорить так? Кто хороший? Этот? А ну, пошла! Ты что это на мужиков стала заглядывать? Я тебе один хороший, боле никто, поняла?!

Толкает Лауру перед собой, пошли по лестнице вниз. Лестница скрипит. Возле берёзы Соловей взял банку с соком, поставил пустую. Лаура бежит по крапиве вокруг дома.

Со стороны моста к дому идёт с чемоданом в руках АНТОНИНА - маленькая, худенькая женщина. Она в бывшем когда-то белом, а теперь сером, не постиранном костюме: пиджак в обтяжку, под пиджаком белая блузка, юбка. Тоня запыхалась, сняла туфли на высоких каблуках и идёт босиком. У колонки подставила ноги под струю воды, вымыла ноги, попила с руки. Подошла к дому. Поставила чемодан. Ворона пролетела и выронила кусок сухого горелого хлеба из рта. Кусок к ногам Тони упал, рассыпался на крошки. Тоня вздрогнула. Повертела головой туда-сюда. Встала на цыпочки и заглянула в дырку на оконных ставнях на первом этаже. Что-то увидела там, отпрянула. Молчит, оглядывается. Вороны каркнули, взлетели с березы. Тоня увидела Соловья. Тот стоит с банкой сока, улыбается - рот до ушей. Вдруг подпрыгнул, изобразил что-то руками.

АНТОНИНА. Эй, дедушка? Это Академика Сорина, дом пять?

СОЛОВЕЙ. Экстерьеристая дамочка, маленькая! К нам?

АНТОНИНА. Я говорю, это дом пять? Академика Сорина, пять?

СОЛОВЕЙ. Пять, пять, двадцать пять! Романовская, не Сорина! Машины заляпали номер, подлые! Такая пава, к нам?! Такие только при купце были, купец Романов тут жил и улица называлась Романовская, а потом поменяли на Сорина, на мусор какой-то, мусорский, на соринку, на грязь, на мразь, поменяли, но всё равно говорят: Романовская улка, никто её Соринской не зовёт, через город ниточкой тянется-претянется, и мост Романовский, и “выблитека”, хоть городская номер два, а Романовская, двух читателей поубивало тут, и они были убитые читатели романовские! Привезли? Правда? Я-то не верил, думал: врёт всё?! *(Смеётся.)* Деньжата? Чемодан?

МОЛЧАНИЕ.

АНТОНИНА. Куда-то сюда переехал сегодня Алексей Сорин? Может быть такое?

СОЛОВЕЙ. Может! *(Смеётся.)* Раз в сто лет и палка выстрелить может!

АНТОНИНА. Мне его надо.

СОЛОВЕЙ. Ну, раз надо - пошли, покажу. Показать?

АНТОНИНА. Да. Или нет. Чемодан помогите, пожалуйста, отнести.

С неба к ногам Соловья упала ворона, потрепыхалась и сдохла.

Ух, опоссум какой! *(Смеётся.)* Здорово тут! Как на даче в деревне, да? И как в театре. Там в самый трагический момент падают номерки. *(Хихикнула, поправила платье.)* А тут вороны. А вы любите театр?

СОЛОВЕЙ. Дохнут, да! Круговорот воды в природе называется! Я травлю крыс, крыс дохлых едят вороны и падают, и получается, что вороны дохнут от того, что я травил крыс! Крысу живую поджечь, говорят, надо, как рванет по норам, как завоняет дымом, и сразу все крысы убегут! А жалею крыс, они ж живые, тоже пить-есть хотят, так? *(Пляшет, ноги задирает, смеётся.)*

АНТОНИНА. *(Помолчала, поправила волосы, улыбнулась.)* Дедушка, а чего это вы юродствуете? А?

СОЛОВЕЙ. Чего?

АНТОНИНА. Я говорю: мне - Алексея надо. Где он? Я не одна, мы с Фантиком к нему. *(Хихикнула, достала из кармана мягкую игрушку - ослика.)*

Соловей хохочет, поднял чемодан, понёс его наверх по лестнице, подпрыгивая при этом.

СОЛОВЕЙ. Звиняйте, дядька, промашка вышла! Идоть-ка за мной, царица белая! Так бы и расстелился перед вами, суками, с неба пришедшими, расстелился бы, а ненавижу вас! Унижать себя люблю! Кто унизит себя, тот возвысится! Я грамотный, над выблилкой жил всю жисть! Ой, не люблю до чего я вас! Идоть за мной! Ой, развлекуха, где Райка?! Рыбка-птичка-собачка, не заткнушь, не жди!

Толкнул дверь в коридор, дверь скрипя открылась, матрас упал на них обоих. Тоня робко заглянула в коридор, стоит на пороге, солнце на неё падает из разбитого окна. Сноп разноцветной пыли летает в воздухе. Тоня смотрит на Алексея, который скорчился на стуле у плиты и кашляет, не двигается. Алексей поднял заплаканное лицо.

Вот, вот он грешный, больной, калика перехожая, кандыба, кандидат в сосновый ящик! Нет, не то сказал, вот, царица, наша гавань, как я образно, однако, скажу другой раз! Пять дверей, вот тут я, заходите, если Райка вас не вытурит! Тут со мной Лаурка, дурко синтетическое, подобрал, с моста сдёрнул, называется "Лаурка-с-моста-сдёрнутая"! Тут никто не живёт, в этой - тоже никто, в этой тоже, зараза такая, никто! Пусто! А тут на полу, матрас, Рая-из-сарая живёт! Приблудилась с улицы, или с моста пришла, сказала: "Я Романова, мой дом, я наследница, а вы - вон, вон, вон!" А что я ей скажу, что? Я слабый! Я только и могу, что Лаурку пощекотать в неделю раз, да и всё!

Раиса вышла из туалета, встала у проезжей части, "голосует" машинам, что-то бормочет.

АНТОНИНА. *(Тихо.)* Идите, дедушка, мне поговорить надо, конфедициально.

СОЛОВЕЙ. *(Смеётся.)* Конфедициально? Да говорите, мне монописсуально!

Смеётся, ушёл в свою комнату, встал за дверь, подслушивает. Тоня села на чемодан. Молчат. В окно влетела ворона, стала кружить под потолком и каркать, Тоня прижалась к стенке, Алексей кинулся, повис на ней, она будто удара ждала, голову руками закрыла.

АЛЕКСЕЙ. Нет!!!!!!

Ворона вылетела из окна. Тоня перепугано озирается, держит Алексея на руках.

Не ходи, там ток, убьёт, там ток, там ток...

АНТОНИНА. *(Улыбается.)* Я думала, ты...

АЛЕКСЕЙ. Вон! Вон!

Алексей начал толкать фортепиано в свою комнату. Заскрипели колёсики фортепиано, будто кошки замяукали, заскрипели и поехали. В дверях комнаты Алексея фортепиано застряло - ни туда, ни сюда. Алексей пыхтит, Тоня суматошно помогает Алексею, кошка-копилка упала, разбилась. Денежки, что в ней были, рассыпались по полу.

МОЛЧАНИЕ.

АНТОНИНА. *(Быстро.)* Алёшка, а, Алёшка? Ну, прости? Ты меня пожалуй должен! Он меня не любит! Он меня бросил! Он мне дал чемодан в зубы, дал денег и вытолкал! Он подонок оказался, он сволочь проклятая! Он меня оскорбил деньгами! Он заплатил мне! Вытолкал! Я несчастная, несчастная, несчастная, мы с Фантиком, к тебе, пожалей нас!

АЛЕКСЕЙ. *(Смеётся.)* Вытолкал?! Денег дал? Хорошо! Замечательно! Ты кому говоришь это?! Ты говоришь мне, своему мужу, мерзавка!!! Тебе платят уже?! Ура! Поздравляю! Да здравствует! Не прикасайся ко мне!!! Вон отсюда! Вон!!!

АНТОНИНА. Ну, что как в театре?! Тише! *(Плачет.)* Ты мне друг, ты мой самый лучший друг в жизни, ты должен понять, я несчастная, я несчастная!

На улице вороны орут. Алексей по полу ползает, собирает деньги, пытается осколки от кошки соединить вместе.

Господи, ты что тут делаешь? Почему тут? Ты что тут? Ты на лето выехал на дачу, да? Почему тут наши вещи? Где квартира? Мне соседка сказала, что ты тут, дала адрес, это что значит? Что они так кричат, не слышно человека от их крика?

АЛЕКСЕЙ. А, квартира? Нет квартиры! Нет ничего! Вот где я! На помойке! Всё, приехали, детка! А ты за деньгами за квартиру? Прознала? Прибежала? А нету их, нуль, ничего, всё мечта, всё воздух, болезнь, воображение болезненное!!!!

АНТОНИНА. Тише, не кричи, пойми, что ты нервничаешь, откуда мне знать?!

АЛЕКСЕЙ. Что я должен понять?! Что-о-о? Что хороший левак укрепляет брак, так? Убейся! Зачем ты пришла?!

АНТОНИНА. Алёшка? *(Поправила платье, улыбается.)* Ну, прости меня, Алёшка? Я несчастная! Он не любит меня! *(Плачет.)* Ну, бывает же, что полюбишь, временно увлечёшься, ты должен понять, я же понимала все твои прибамбасы!

АЛЕКСЕЙ. Ты тысяча миллионов продажная тварь, инфантильная дура, тебе жизнь - полёт бабочки, всё смешно и весело, в куклы играешь до сорока, дура, дура, дура!!!! Так и сюсюкаешь, сюсюкаешь, всю жизнь просюсюкала, не думая о смерти, дура, иди к нему, чего от меня надо, чего, ну?! Ты разбила кошку, она как сфинкс стояла сто лет в нашем доме, всё видела, мудрая и старая, она всё знала про нас и вот ты разбила её, разбила, разбила, мерзавка, негодяйка, ты всё, ты - всё разбила!!!

АНТОНИНА. Ну, нечего, не надо так трагично из-за глиняной игрушки, я куплю тебе такую же, другую, Лёшка, ну? Или мне уйти? Пожалуйста!

АЛЕКСЕЙ. Да, сфинкс, разбит сфинкс, жизнь разбита, смерть, старик, жизнь!!!

Захрипел, упал на пол. Тоня растерянно стоит посреди коридора. Потом схватила Алексея, тащит к кровати.

АНТОНИНА. Не пугай меня, Лёшка, не пугай, мама!!!

АЛЕКСЕЙ. *(Шепотом, хватая Тоню за руки.)* Тоня, Тоня, куда мы попали, я ненавижу этих людей, если бы ты знала, как я ненавижу их, я их терпеть не могу, они грязные, гнусные, Тоня, кругом тут зараза, я болен, Тоня, Тонечка, как хорошо, что ты пришла, Тоня, кошмар, Тоня, меня заживо похоронили, меня похоронили со всеми моими вещами, как фараона, меня вывезли на кладбище и похоронили, никто не видит, что я живой, живой, Тоня, я живой, они меня похоронили, вороны летают надо мной, на кладбище, я в могиле, смерть, смерть!!!!!!!!

МОЛЧАНИЕ.

АНТОНИНА. *(Улыбается, оглядывается.)* Да что случилось?

АЛЕКСЕЙ. *(Плачет, целует руки Тоне.)* Тоня, милая, зачем ты ушла, ты ушла, у меня была попытка, пожалей меня, я не хотел жить, я познакомился с одним подлецом, я

употреблял какую-то гадость, какой-то человек, его зовут Володя, нет, он хороший русский человек, помог мне выбраться из кошмара, что-то подействовало на нервную систему и я стал плохо ходить, я стал плохо видеть, меня то в жар, то в холод, какие-то видения, сны, Тоня, я умираю, скажи, умираю? Он обманул меня, да? Меня все обманули, я на кладбище! *(Рыдает.)* Он обещал денег на лекарство, он обещал вылечить меня, я заболел, мне надо что-то делать, я лечу в пропасть, Тоня, что делать, он продал квартиру и сказал, что привезет деньги, что я вылечусь...

АНТОНИНА. *(Молчит.)* Попытка? Какая попытка? *(Улыбается.)* Ты, в смысле, чик-чик себе делал?

АЛЕКСЕЙ. *(Рыдает.)* Да!!!

АНТОНИНА. Из-за меня?

АЛЕКСЕЙ. Из-за меня, дура!!!

МОЛЧАНИЕ.

АНТОНИНА. Он тебя обманул. Про такие случаи пишут в газетах.

АЛЕКСЕЙ. Я не читаю газет. Нет, ты врешь, он привезёт мне денег сегодня и я вылечусь, плевать на квартиру, папа понял бы меня, а всё из-за тебя, ты, ты!!!

АНТОНИНА. Тише, Лёшка, в чём я виновата, тише? Я не знала, что ты так сильно меня любишь! *(Плачет.)* Лёшка, у тебя глаза блестят, ты болен, правда? Ты не играешь? Не врешь? *(Молчит.)* Стой!! Я знаю, как разговаривать!!!!

Выскочила в коридор, кричит Лауре, которая потихоньку открыла крышку фортепиано и стучит в одну клавишу пальцем.

Сволочи проклятые?! Вы думаете, я инфантильная? Я сниму туфлю и врежу каждой сволочи проклятой в глаз, кто его тронет или меня, ясно?! Молчать, сволочи проклятые, оборзели, великий русский народ, сволочи проклятые! Вы сволочи проклятые! Вы что, думаете, мы с вами говорить не сможем? Ишь, сволочи проклятые! Я сама с помойки, сволочи проклятые! Вы у меня по одной половице ходить будете, сволочи проклятые!

Топнула ногой. Снова прибежала к Алексею, гладит его, стоя на коленях перед кроватью.

(Хихикает.) Я на них так накричала на всех, ужасно смешно! Сказала им, что они “сволочи проклятые”! Так с ними говорить? Пусть знают! Алёшка, простил? Простил? Простил! Ура!

Раскрывает чемодан, достаёт тряпки, разбрасывает по комнате, достала игрушку-ослика, поставила на кровать к Алексею.

Смотри, смотри, Фантик по тебе соскучился! Он мне там говорил, что хочет к тебе, видишь? Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу, вот-вот доска кончается, сейчас я упаду! *(Смеётся.)*

АЛЕКСЕЙ. Это не бычок, это ослик.

АНТОНИНА. Всё равно скучал. Твой, ты подарил! Старенький, мой любименький ослик! Смотри: забодаю-забодаю, забодаю-забодаю! *(Тычет осликом Алексею в грудь, хохочет, Алексей нехотя отмахивается, отвернулся к стенке, улыбается.)* Ну, всё, всё? Всё! Ура, всё, мир! Если бы ты знал, какая он свинья был, нет, будет! Ну, о нём ни слова, с прошлым покончено!

АЛЕКСЕЙ. *(Вдруг снова зарыдал.)* Ты пришла! Гадкая, плохая, но ты пришла, именно тогда, когда надо, дай я поцелую тебя! Я всегда знал, что ты хорошая, глупая, но хорошая! Мне так плохо, как мне плохо, Тоня, Тоня! Прости, я плачу, не надо на них так кричать, они несчастные, на краю, я сам виноват, сам устроил, плачу, целый день плачу, и с квартирой вчера прощался, плакал, меня всё вдруг стало умилять, все стало трогать, плаксив стал, как старик, на что не посмотрю - всё время плачу: ласточки летают - плачу,

про мост этот говорят, что там - самоубийцы, тоже плачу, от всего плачу, прости, может, я правда, умру скоро, потому плачу, я вдруг всё-всё стал понимать и всем стал прощать и тебе прощаю всё, всё, Тоня, милая, не надо, не трогай меня, я боюсь заразы разной, платок у тебя не очень чистый, нет? Прости, боюсь слёз и слюней, заразы всякой. *(Отодвинулся на другой конец кровати, лежит на боку, смотрит на неё.)* К тому же ты там с ним спала. Ведь спала? С кем спала? Ну, говори? С кем?! *(Рыдает.)* Нет, не надо. Я умру сейчас. Замолчи! Не стой на коленях, колготки порвёшь, тут грязно, к тому же.

АНТОНИНА. Я без колготок. Шла босиком. Теперь простыну. Мне надо горячего чаю, малины и чеснока! *(Смеётся.)* Я заглянула в окно на первом этаже, там выгнил сучок, там такая дырочка, в окне на первом этаже, и там что-то страшное на меня посмотрело, я так испугалась. Если б ты знал, как испугалась! *(Смеётся.)* Потом поняла, что там стекло и мой глаз отразился в стекле, а думала - чудовище!

АЛЕКСЕЙ. Тут крысы. Зараза всякая. Крысы жрут грязное бельё. Я сидел и смотрел на них, они залезли в мою какую-то коробку, я видел, ели грязные носки. Ты видела этого, в валенках, с гармошкой? Он похож на того старика, да?

АНТОНИНА. *(Улыбается.)* На какого?

АЛЕКСЕЙ. Ну, из “Анны Карениной”, мужичок, который, приговаривая что-то, работал над железом, помнишь? Он, он, тот мужичок! Так тот выглядел!

АНТОНИНА. Я не читала! *(Смеётся.)* Но прочитаю! Я же глупая, я бабочка, мотылёк, у меня флюгер вертится в ту сторону, в какую дует ветер! Так? *(Плачет.)* Алёшка! Я такая несчастная! Пожалей меня, он меня не любит, а главное - дал денег, денег!

АЛЕКСЕЙ. Замолчи, замолчи!

АНТОНИНА. Правильно, лучше замолчу, хватит, хватит, хватит, хватит! *(Ходит по комнате, переодевается на ходу в замызганный халатик.)* Посадим огород, будто на даче. Вечерами ты будешь играть на фоно, будет слышно далеко, тут красиво, мне нравится, свежий воздух! *(Проехала машина, обдала дом грязью.)* Главное - мы снова вместе, забыть всё! Денег заработаем, квартир накупим. Домов у нас будет, как у зайцев теремов, понял, нет?

Лаура пришла в комнату, протянула Тоне букет. Тоня взяла его, улыбается.

Ты чего тут, привидение? Она как в театре, как в балете одета? Или это он?

АЛЕКСЕЙ. Она больная, не говори с ней, у неё не все дома.

Лаура снова фырчит “дыр-дыр-дыр”, едет по комнате.

Да, да, сейчас привезут деньги и мы отпразднуем твоё прибытие, мы поставим стол, как было в детстве у папы с мамой, и мы поедим вкусно, у меня все кости ломит, мы поедим, выпьем, поговорим под зелёным абажуром...

АНТОНИНА. *(Трогает пальцем Алексея за кадык.)* Бедный. У тебя стал такой острый кадык. *(Плачет.)* Ну, простил свою кошечку, простил свою душечку, простил?

АЛЕКСЕЙ. *(Плачет.)* Где ты была?! Где ты была?! Почему я был один на белом свете? Почему мне никто не помог?! Почему? ?!!

АНТОНИНА. Хватит ныть, мне надоело! Я не виновата! У меня природа такая! Я постоянно увлекаюсь! В первый раз, что ли? Ну, что я могу сделать, мне это надо для самоутверждения, ты должен понять! Тише, молчать! Если хочешь, чтоб было под абажуром - сделаем! Ура! Замечательно! Прекрасно! Я закажу, чтоб привезли на дом, прям к нам сюда! Сейчас есть такая услуга и даже с официантом! Прекрасно! Мы этих аборигенов удивим! Сейчас все деньги бухнем на это! У меня много денег! Тише, не возражать! Пир-горой! А сейчас чайник - согреться! Ни слова, хватит сопли распускать, решён вопрос! *(Пошла в коридор, к плите, задрала голову, смотрит на лепной круг на потолке.)*

Машины не останавливаются, грязью Раису забрызгивают. Раиса пошла в дом, поднялась по лестнице, открыла дверь в коридор, матрас упал на неё. Тоня сорвала стручок луковый, жуёт, смотрит демонстративно на Раису и Соловья, вышедшего из своей комнаты. Соловей улыбается.

Я очень люблю зелёный лук. Надо есть лук, потому что после зимы мы все ослабли. Так! Меня зовут Антонина. Извините, что я сказала “сволочи проклятые”. Я хотела сказать на деле: я очень люблю русский народ. Мы вымоем окна, вымоем тут пол, у нас будет бедный дом, но у нас будет чисто. Потом мы повесим тут занавески, потом мы покрасим тут стены в синенький цвет, купим много искусственной зелени, потому что настоящая тут не вырастет, темно, повесим картину, скажем, “Незнакомка”, и будет красиво. Мы будем ходить друг к другу в гости, по вечерам зажжём свечи и будем читать стихи друг другу. Мандельштама, например. Есть вопросы?

МОЛЧАНИЕ.

СОЛОВЕЙ. *(Смеётся.)* Райка, ему подкрепление прибыло! Что теперь? Райка - фас!

РАИСА. Чего?

СОЛОВЕЙ. На неё, говорю - фас! Сявка, два раза повторять? *(Хохочет.)*

РАИСА. Чего?

АНТОНИНА. *(Соловью.)* Это кто эта женщина?

СОЛОВЕЙ. Рая Романова, купцу Романову родственница, местная бомжиха-дворник.

АНТОНИНА. А тому Романову она не родственница?

СОЛОВЕЙ. И тому родственница!

АНТОНИНА. Значит, и тому родственница?

СОЛОВЕЙ. И тому родственница. У неё мечта есть - на всю Россию!

АНТОНИНА. Ну, что же, я не возражаю на Россию. Но тут - я буду тут хозяйка. У меня муж болен, мне нужно за ним ухаживать. И потому нужно, чтобы была стерильная чистота и чтобы было тихо, и чтобы читали стихи при свечах.

МОЛЧАНИЕ.

РАИСА. *(Зарычала, зарыдала.)* Закрой ротяку, моська! Вы откуда оба выпали, а? Когда у меня сил нету бороться, вы как раз тогда выпали, да? *(Села на матрас, ест банан, рыдает.)* Забирайте всё, селитесь, рушьте, проклятые! Я пойду с моста кинусь, чтоб вам стыдно стало, твари! Вы жить не даёте никому! Им земли не хватает! Они меня и тут достали, столкнуть хотят! Толкайте! Ползут и ползут, тараканы, землю себе отмеряют, нас спихивают! Вам все поперёк горла стоят! Проклятые вы, проклятые, будьте вы прокляты и дети ваши! Я одна, одна, одна, а они всё равно шпыняют меня, проклятые, проклятые, проклятые, проклятые!!!

Рыдает. Соловей удивлённо смотрит на Раису. Та упала на матрас, плачет, парик съехал на бок. Ласточки верещат за окном, вороны каркают, машины проезжают, обливают грязью дом, из колонки красной вода бежит на землю.

Лаура собирает разбитую кошку-копилку - кусочек к кусочку.

ТЕМНОТА.

Вторая картина.

За столом под лампочкой сидят Алексей, Тоня, Соловей, Раиса. Официант расставляет тарелки. У всех на шеях белые салфетки-платки. Раиса в футболке, на которой она же сама и изображена. Лаура лежит на матрасе, спит, рот раскрыла, руку откинула в сторону, рядом с

ней кошка-копилка, изолентой перевязана, кое-как склеена. Алексей волосы зачесал назад, напмадил их чем-то.

Все напуганы, сидят смирно. Тоня распоряжается.

АНТОНИНА. У нас соседка с Лёшей там, на той квартире, преподавала в университете физтех, а мы её звали “Сопромаг”. Про неё в газете писали один раз, известная очень. Не читали? *(Смеётся.)* Ешьте, ешьте давайте, как люди, ешьте.

СОЛОВЕЙ. О, как мы обуржуазились с тобой, Раёк, а?! Мы газеты выписываем не для чтения, а для завернуть или в туалет! *(Тычет пальцем в Раису, на которой салфетка висит, хихикает, та тоже.)*

РАИСА. Сколько ж это вгроблено, а?

АНТОНИНА. Не дороже денег. Три минуты моей радости не стоят никаких денег. Мне радостно угостить вас! *(Смеётся.)* Деньги эти в нашу с Лёшей семью с неба упали, надо ими хорошо распорядиться, угостить людей.

РАИСА. А я вот как найду денег на улице, так на эти деньги свечки ставлю в церкву хожу.

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. Даже слышно, как на улице из колонки вода бежит. Что её никто не отремонтирует?

СОЛОВЕЙ. А нельзя! Отремонтируют - речка высохнет. Святой источник наша колонка красная! Из неё речка берёт начало наша, как я образно, однако, скажу другой раз! *(Смеётся.)*

АНТОНИНА. Ешьте, пожалуйста. Осетрина, заливное, салат, оливки.

СОЛОВЕЙ. *(Раисе.)* Дай мне хлеба.

РАИСА. На.

СОЛОВЕЙ. Спасибо.

РАИСА. Чего?

СОЛОВЕЙ. Ну, спасибо сказал, а чего? Спасибо, что хлеб дала. А то ведь могла бы и бритвой по глазам.

РАИСА. Чего?

МОЛЧАНИЕ.

Все сидят, не двигаются, Алексей курит, Лаура посапывает, официант раскладывает на тарелки еду.

АЛЕКСЕЙ. В каком-то архиве читал легенду про этот дом, сейчас вспомнил: купец дом строил и работник его ночью повесился, на балке. Может, на этой?

Все смотрят вверх, на потолок, на лепной круг.

РАИСА. Не ври.

АЛЕКСЕЙ. Легенда.

СОЛОВЕЙ. Правда! Есть тут что-то!

РАИСА. А если и так, и что? Проклято место, что ли? И чего намякивать?

СОЛОВЕЙ. Уж сколько ходит, добивается, чтоб дом ей отписали, говорит, она Романова, наследница, тут всё её, а сама без прописки, дворник, ждёт, домоуправ даст ей комнату тут, фигушки! Дом на снос! С улицы пришла, наглость второе счастье, отдадут ей, а мы? С моста сверху!

АНТОНИНА. Ешьте! Ну, что же вы? Я кому заказала это всё?

АЛЕКСЕЙ. Тут в новый год ёлочка стояла, детишки чистые бегали в костюмах зайцев, а теперь - тлен. Этот лепной круг на потолке как раз для ёлки.

Все опять задрали головы вверх, смотрят на потолок. Молчат.

СОЛОВЕЙ. *(Смеётся.)* А ласточки наши не спят! Летают! Птичка Божия не знает ни забот и ни труда, целый день она свивает хлопотливого гнезда! Пой, ласточка, пой, пой, не умолкай! А они на вороньё пузатое не смотрят, строят, обстроили всю крышу домиками говняными, чирик да чирик! Им - что романовский дом, что не романовский, что повесился, что не повесился, как я образно, другой раз, скажу!

РАИСА. *(Ест.)* Деньги грязные, правду люди говорят. Мнут их в карманах, мнут, потом мне дают, все руки как в нефти. Сопли об них, всю заразу вытирали об них, а потом мне. *(Пауза.)* Чего вы так смотрите?

СОЛОВЕЙ. *(Смеётся.)* Как ты, Раёк, пальцы по-интеллигентски отключила в сторону, я так и не смогу даже чтоб для сфотографироваться!

АНТОНИНА. Нет. Ешьте, правильно. И вы все ешьте. Рая начала, и вы теперь ешьте. Как хорошо. Тихо и мирно! *(Смеётся.)*

РАИСА. А что я не так сделала? Нечего смотреть, я по-культурному жрать не могу, уж такая я. Какая есть. У меня голым голо, я сама себе всю жизнь строю. Торгую, денег зарабатываю, знаешь, сколько взяток платить надо?

АНТОНИНА. Да мы разве что говорим? Ешьте! Кофточка у вас чудесная! Кто это?

СОЛОВЕЙ. Андже́ла Дэвис! *(Смеётся.)*

РАИСА. Сам ты Дэвис! Я сама. А что?

АНТОНИНА. Да так. Красиво изображена.

РАИСА. Чего? Кто безобразна?

СОЛОВЕЙ. *(Поёт.)* Изображена-безобразна, ешьте, все, ешьте, Лаурка моя притомилася, бедная, я вот её пощечочу!

Вскочил, схватил пёрышко с пола, щекочет нос Лауры, хихикает. Лаура не двигается.

РАИСА. Да оставь ты её, дай поспать человеку. Нет, кто безобразна тут, что ты подкальываешь, Соловей, про меня, нет?

СОЛОВЕЙ. Да кто подкальывает?

РАИСА. Да ты и она тоже. Ты допоткальываешься.

СОЛОВЕЙ. Райка, тебе пить нельзя, ты лаять начинаешь, тихо!

РАИСА. Да я ещё не пила!

АНТОНИНА. А я вообще молчу.

РАИСА. Молчит она. Вам хорошо, вы всю жизнь в золоте плавали, а я, бедная? Я добрая зато. Бедные люди добрые.

СОЛОВЕЙ. Ай, добрая она! Нищей даст копейку, а потом целый день ходит, голову к небу задирает, говорит: “Ну ты, Бог хренов, я ж доброе дело сделала, теперь ты мне делай, чего ждёшь?!” Так, нет? *(Смеётся.)*

РАИСА. Врёшь. Я просто так добрая. Вот. *(Встала, нарвала луку, положила перед Соловьём.)* Ешь. Вообще всем витамины надо кушать. Я три кило лука посадила в баночках и ем его, и вам советую, я добрая, ешьте.

СОЛОВЕЙ. Добрая, но облучённая! *(Смеётся.)*

РАИСА. Зелёный лук. Полезно очень. Я лучок очень люблю. Ем и ем его. Куда не приду - везде прошу, чтобы мне луку дали зелёного или просто репчатого. Ясно?

СОЛОВЕЙ. *(Ест, смеётся.)* Ясно! Ты от луку вот такая толстая?

РАИСА. Я разве толстая?

СОЛОВЕЙ. Задница у тебя толстая.

РАИСА. Допоткальываешься, Соловьёг! Задница у меня толстая? Выведи глистов - у тебя такая же будет.

СОЛОВЕЙ. Ну, ты за словом в карман не лезешь, Райка!

РАИСА. Закрой ротяку! А ты-то сам? За шваброй прячешься. Чего хорошего?

СОЛОВЕЙ. Чего цепляешься? Чего злая? Мы с тобой по-доброму.

РАИСА. Злая. *(Молчит.)* Вам бы так. Ну да ничего. У меня всё будет, я буду богатая-пребогатая. А если ещё уничтожат все тайные общества и всех на “ин”, то тогда вообще будет замочись.

АЛЕКСЕЙ. Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, ни тебе.

СОЛОВЕЙ. А чего ж ты с ними, с “инами” села за стол, раз думаешь, что копают под тебя?

РАИСА. А села. Проверить, куда гнут и что хотят. Как это вино называется?

СОЛОВЕЙ. Солнечный бряк! *(Смеётся.)*

АНТОНИНА. Ешьте, Рая!

СОЛОВЕЙ. *(Подмигивает Антонине.)* А за что ты вот их, на “ин”, не любишь?

РАИСА. Они Христа распяли. Вот и фотография у меня есть - как он распятый.

АЛЕКСЕЙ. Фотография?

РАИСА. Ну да, его распяли и сфотографировали.

АЛЕКСЕЙ. Вы уверены?

РАИСА. Уверена, что они, “ины”.

АЛЕКСЕЙ. Дремуч народ.

РАИСА. Чего? И яблоки надо кушать. Русские люди для хорошего потомства должны кушать яблоки. В яблоках витамины, кальцес, от них зубки ровные-ровные будут у вас у всех.

АЛЕКСЕЙ. Что в яблоках?

РАИСА. Каль-цес! Каль-цес, понятно?

АЛЕКСЕЙ. Понятно.

РАИСА. Зубы будут ровные и чистые. А то у вас у всех жёлтые и грязные. У меня принцип: кушать два яблока в день. А ещё принцип: никому денег займа не даю. Дать денег займа - значит: поссориться. Ничего, у меня будет дом. Многие женщины любят стирать, другие гладить, третьи пол пылесосить. А я бы всю жизнь готовила и готовила, варила бы и пекла, потому что я отдыхаю, когда готовлю, я думаю и думаю, и отдыхаю, когда думаю.

СОЛОВЕЙ. А об чём ты думаешь? Чем ты думаешь?

РАИСА. Чем надо и про что надо, так я вам всем мои мысли и рассказала, ага!

Шум, гам, по крыше бегут крысы. Ласточки, спавшие в гнёздах, вспорхнули, заверещали, принялись летать над домом. И вороны поднялись с берёзы, давай каркать.

АНТОНИНА. Здорово тут! Как мне нравится! Потрясающе! Как в фильме ужасов! *(Хлопает в ладоши, подпрыгивает на стуле.)*

СОЛОВЕЙ. Здорово, в первый раз, а как каждый день, да когда по кровати крысы - дак взвоешь, как я образно другой раз скажу. *(Смеётся.)*

В окно бьётся ласточка, долго и настойчиво. Все повернули головы, смотрят на неё.

АЛЕКСЕЙ. Господи, Господи, Господи! Опять она, опять, опять! *(Сжал голову руками.)* Сделайте что-нибудь, старик, этот старик, опять этот старик, старик, землемер!!!!

АНТОНИНА. *(Громко, весело.)* Выпили все, быстро выпили, ура, тише, давайте, ура, ура, вперёд, поехали!!!

МОЛЧАНИЕ.

СОЛОВЕЙ. *(Смеётся.)* А чего страшного-то?

Тишина. Слышно, как из колонки вода бежит.

АЛЕКСЕЙ. *(Молчит.)* Простите, что-то находит, кружится, будто резкость из глаз уходит. Действительно, ничего. *(Улыбается.)* А что такого? Ничего. Ничего. *(Смотрит на*

пол.) Деньги из копилки рассыпались, застряли в щелях. Было принято в нашей семье, что папа привозил из разных стран иностранные денежки, и гости наши бросали мелочь туда, и рубли с Лениным, копилка была большая, старинная, она была на ключе, а ключ потеряли и вот - разбили. В щелях торчат под нашими ногами Австралия, Испания, Англия, Америка. Думали ли эти деньги, что попадут в грязные русские щели.

РАИСА. Деньги не думают. Думают люди.

МОЛЧАНИЕ.

АНТОНИНА. *(Официанту.)* Вилки нужно класть не так, а так.

ОФИЦИАНТ. Простите. *(Улыбается.)* Испугался, отвлёкся.

АНТОНИНА. *(Улыбается, поправляет платье.)* Вы на работе, не должны отвлекаться.

ОФИЦИАНТ. Слушаюсь. Извините.

АЛЕКСЕЙ. Мы можем говорить о прислуге вслух, не стесняясь. Всё, что угодно. Прислуге заплачено. Слышите?

СОЛОВЕЙ. Прям матом на него говорить? Так говорить? Вот это да-а-а! Здорово! Прям вот могу ему сказать: такой ты, рассякой, и он мне слова не скажет?

АНТОНИНА. Ну, зачем говорить такие слова. Мы интеллигентные люди, мы таких слов говорить не должны. *(Официанту.)* Неправильно подаёте вилку для салата.

ОФИЦИАНТ. Простите.

АНТОНИНА. Очень необученный персонал.

СОЛОВЕЙ. *(Восторжённо.)* Вот, сразу “косточку”-то вижу, как будто я тоже богатый стал и у меня прислуга! Мне ведь никто никогда не прислуживал эдак-то вот! Слышите, дамочка, сколько ты заплатила за всё, ну скажи, скажи, много? Нет? Как, наверно, этот дом стоит, столько, нет?

АНТОНИНА. Ешьте и молчите. У нас праздник. Новоселье. *(Трясёт на руках игрушечного ослика.)* Фантик тоже ест! Мы угощаем соседей. Да, Алёшка, так?

СОЛОВЕЙ. А тебе сколько лет, дамочка?

АНТОНИНА. Мне? Двадцать пять.

СОЛОВЕЙ. А я думал - восемь! *(Смеётся.)*

Все едят, смотрят друг на друга.

АЛЕКСЕЙ. Врёт, ей сорок. Нет, тут действительно хорошо. Мне стало лучше. Тут воздух другой.

СОЛОВЕЙ. Ага, воздух, только вот крысы - едят у нас всё.

РАИСА. Ну и пусть едят. У нас в детстве был кот, он нырял в ванну, ел носки, грыз батарею, лизал стены.

СОЛОВЕЙ. Райка, может, это не кот был, а крыса?

РАИСА. Да кот, я помню.

СОЛОВЕЙ. А мы с Лауркой едим с голодухи яишенку, ага! На воде жарим или варим! Яичек из ласточкиных гнёздышек наберём и жрём до отвалу! *(Смеётся.)*

АЛЕКСЕЙ. Ужас.

СОЛОВЕЙ. Жрать-то охота. Человек - венец создания, как я образно другой раз скажу, и потому - должен есть ласточкины яйца! Всё дозволено, кто сказал?

АЛЕКСЕЙ. Это не я, другой. Правильно. Мы должны дружить, быть толерантными.

АНТОНИНА. А жаркое из крыс или ворон не пробовали?

СОЛОВЕЙ. Ворону пробовали - ничего, кушать можно! *(Смеётся.)*

РАИСА. А я как стану богатая, буду носить все платья цвета пьяной вишни! У меня всего будет в доме много, и в частности, умотаться как много будет шоколадных конфет! А бумажки от конфет буду на пол кидать. Закидаю бумажками весь пол в моём доме, вот тут. Вот так: ем и кидаю, ем и кидаю, ем и кидаю.

СОЛОВЕЙ. *(Смеётся.)* Покажи нам богатых, Райка? Ну, как, как?

РАИСА. А вот так: ем и кидаю, ем и кидаю!

Разбрасывает бумажки на пол, насовала полный рот конфет шоколадных, вымазала рот, ест конфеты, все смеются.

СОЛОВЕЙ. Видали? Во как! В горящую избу войдёт! Коня на скаку остановит! Бамажки от конфеток на пол кидаёт! *(Хохочет.)*

РАИСА. *(Вдруг завyla, зарыдала.)* Заткнись! Жопе слова не давали! Закройте ротяки свои поганые! Смеётесь?! Я одна на белом свете, несчастная, мне вон с моста вниз головой надо кинуться давно, а я всё пластаюсь! Прожила, как в жопе сгнила! Смеётесь, подлые? Что я вам смешного сделала? Пусти, я пойду на мост, стыдно станет, что я несчастная, а вы смеялись, падлы, в школе смеялись, а вы тоже давай? А еще говорит - профессор, профессор!!!

АНТОНИНА. Академик.

РАИСА. Стыдно над простым народом изголяться! Гады! Я знаю всё про вас! А ты, долбак, Соловьяуга, лично ты - в КГБ лейтенантом был, вот так!

СОЛОВЕЙ. Уй-я?! Сказанула, аж у меня глаз от удивленья выпал! Ну? А Лаурка?

РАИСА. А она - полковником, рожа, сразу видно, теперь под дурочку молотит, от наказания скрывается, так, нет?!

Раиса долго рыдает, ест конфеты. Соловей побежал за гармошкой в свою комнату.

СОЛОВЕЙ. А ну, не ныть, не выть, а ну, споём! *(Играет на гармошке.)* Всё ждала и верила! Думала - рожу! А пошла проверилась! С триппером хожу! *(Смеётся.)* Ну, давайте, веселей-ка, быстрей-ка, свет включили, поднялись, сейчас Райке настроение поднимать будем, вот у меня какой есть для неё подарок! Сейчас у нас будет мир и дружба! Пошли, Райка, крыс разгонять, пошли быстро, покажу вам!

Достал из кармана, трясёт связкой ключей перед носом Раисы.

РАИСА. Где нашёл? Я третий день ищу?! Ты сказал, не находил?!

СОЛОВЕЙ. А наврал! Нар-вал, нар-вал!

РАИСА. Украл! По сумкам шарить!

СОЛОВЕЙ. Чтоб тебе потом приятное сделать! Думаю, вот хреново ей станет, а я ей связку! Пошли по всем комнатам, по выблинке, пошли! Весна, мы до травки дотянули! Люблю грозу в начале мая, когда весенний яркий гром, как саданет из-под сарая, что фиг опомнишься потом! Пошли, девки, дочки академиков, крестьянок пришли в музей на экскурсию к купцу Романову, производителю чайному и кофейному! Пошли, Райка, пока Лаурка спит, я тебя за задницу пощупаю хоть!

РАИСА. *(Смеётся.)* Правда?

СОЛОВЕЙ. Про что, про “пощупаю”? Правда! Сейчас начнутся нечеловеческие целовки, переходящие в потрашки!

РАИСА. Про ключи, долбак? Где нашёл?

СОЛОВЕЙ. В половицу завалились, пока спала!

РАИСА. Отдашь потом!

АЛЕКСЕЙ. *(Антонине.)* Сходи с ними, не надо их сердить, сходи.

АНТОНИНА. Схожу. *(Смеётся.)* Уберите это и подавайте второе. И Фантику положите тоже на тарелочку, он будет тоже есть! *(Официант улыбается.)* Так? *(Алексею.)* Как ты?

АЛЕКСЕЙ. Иди.

Все встают, рты вытирают, салфетки снимают.

СОЛОВЕЙ. На посошок, выпьем, выпьем!

РАИСА. Уже побежал, поехал, поскакал, куда ты поскакал-то, летит, саблей рубит, куда скачешь, ну?

СОЛОВЕЙ. В сторону восхода, Раёк, как я образно, однако, другой раз скажу!

РАИСА. А откуда ты знаешь, что восход там? Может, он в другой стороне?

СОЛОВЕЙ. В той, я знаю, я в темноте, я на коне, я саблей махаю, лечу, правильно, я знаю, что там восход, земля-то круглая, там восход! *(Смеётся.)*

Чокаются, пьют, встают, едят на ходу.

АНТОНИНА. *(Официанту.)* Позовёте нас.

СОЛОВЕЙ. Сначала по выблитеке экскурсия, свет включай, пали, сколько хочешь, за свет не плотим, пусть светло-пресветло! И свечи зажигай, где они, зажигай, ура! Не плотим, завтра приедут менты, выгрузят манатки наши и пошли-поехали отдыхать, на мостик, вниз головой! Пошли! *(Кричит.)* Мы пи! Мы пи! Мы пионеры с юга! Насра! Насра! Нас рано подняли! Не торопись-пись-пись! Приободришь-дришь-дришь! Мы застрахуем-хуем-хуем нашу жисть!

РАИСА. Ну, ботало! Уже в говно пьяный! Мелет - прям зелёная сёлёдка с топлёным молоком!

Вся компания пошла по лестнице вниз со свечками в руках, встали у двери библиотеки, смеются. Ковыряют замок, открыть не могут. Соловей открывает ставни, звенят клямки-навесы, в окнах первого этажа появился призрачный свет свечей. Окна мутные, совсем грязью забиты, трещины на стёклах заклеены синей изолентой. Между окнами - грязная вата, на ней игрушки новогодние. Никто с зимы окна не распаковывал.

Лаура проснулась, ест быстро что-то со стола, прячет в подол платья. Официант взял её за руку и, улыбаясь, глядя ей в глаза, заставил, чтоб она всё положила на стол. Лаура собралась заорать, но официант так сжал ей руку, что она замолкла. Алексей курит на балконе. Лаура ест, сидя на матрасе, баюкает кошку-копилку. Официант отставил тарелки, вышел на балкон.

АЛЕКСЕЙ. *(Смотрит в темноту.)* А ты угадываешь мысли. Я стоял и думал: иди. Ты идёшь.

ОФИЦИАНТ. Угадал. *(Смотрят друг на друга.)* А теперь что прикажешь?

АЛЕКСЕЙ. Дай мне прикурить. Не надо зажигалку. Сэкономим зажигалку. Прикурю от твоей сигареты.

ОФИЦИАНТ. На.

Алексей прикурил, смотрит на Официанта, улыбается.

Лаура играет с копилкой, смеётся. Поставила её на фортепиано. Пошла по лестнице вниз, матрас упал.

АЛЕКСЕЙ. Какая у тебя работа. Трудно, наверное.

ОФИЦИАНТ. Почему? Прибыльно очень.

АЛЕКСЕЙ. Не обиделся?

ОФИЦИАНТ. За что?

АЛЕКСЕЙ. В грязи свиньям прислуживать, попрёки слушать.

ОФИЦИАНТ. Можно. Деньги не пахнут. А деньги хорошие. Вы платите хорошо.

АЛЕКСЕЙ. Да?

ОФИЦИАНТ. Да.

АЛЕКСЕЙ. Точно?

ОФИЦИАНТ. Точно.

АЛЕКСЕЙ. Я люблю вкусно поесть. Выпить. Покурить. Есть у тебя что-то?

ОФИЦИАНТ. Что?

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. Дай руку. Во-от. Тёплая.

МОЛЧАНИЕ.

Ты понял что-нибудь?

ОФИЦИАНТ. Нет.

АЛЕКСЕЙ. Я никому никогда не подаю руки. Боюсь заразиться.

ОФИЦИАНТ. Ну?

АЛЕКСЕЙ. А тебе подал.

ОФИЦИАНТ. Не боишься заразиться?

АЛЕКСЕЙ. Не боюсь.

МОЛЧАНИЕ.

ОФИЦИАНТ. Что ты хочешь?

АЛЕКСЕЙ. Ты не понимаешь? Нет, только ты не подумай: я не в сексуальном смысле. Просто так. Ты красивый, мне хочется поддержать твою руку. Без ничего. Без извращений, до этого я ещё не дошёл.

ОФИЦИАНТ. А можно и с извращениями.

АЛЕКСЕЙ. Ну, нет. Я - пас. У меня жена есть.

ОФИЦИАНТ. Какая она тебе жена.

АЛЕКСЕЙ. Жена. Она не понимает меня, верно. Нет, я другое сказать хотел. Я выпил и просто хочу кому-то дать руку, чтобы поддержать её. Понимаешь или нет? Просто так. Согреть руку. Понимаешь?

ОФИЦИАНТ. Ну, поддержал? Согрел? Отпусти теперь. Я всё понял.

АЛЕКСЕЙ. Нет, ты так и не понял, зачем я тебе дал руку.

ОФИЦИАНТ. Понял, но хочу, чтоб точнее было сказано. *(Улыбается, держит руку Алексея.)* Может, ты и сам не знаешь о себе чего-то? Нет? Ну, что?

АЛЕКСЕЙ. *(Молчит.)* Ничего. Мороженое будет?

ОФИЦИАНТ. Мороженое?

АЛЕКСЕЙ. Мороженое.

ОФИЦИАНТ. Ну, будет тебе мороженое.

АЛЕКСЕЙ. Ты с каким-то подтекстом. Я просто так дал тебе руку. *(Молчит.)* Ладно, иди. Оставь меня, сказал, я подышу.

Отпустил руку Официанта, тот ушёл в коридор, поставил матрас на место. Алексей тяжело дышит, смотрит в темноту на сияющий разноцветными огнями мост. Лаура ходит вокруг дома. Нашла у ступенек ласточку, подняла её, прижимает к себе.

Соловей открыл двери в библиотеку. Раиса и Антонина держат в руках свечи, поднимают с пола книжки старые, разглядывают ободранный стенд с надписью "Писатели нашей Родины" с портретами Толстого и Пушкина. Ходят по комнатам, у них под ногами трещит стекло.

Алексей вошёл в коридор, сел за фортепиано, играет какую-то бессвязную мелодию.

СОЛОВЕЙ. Вот наш домик-гомик! Нет, Райка, твой домик! Всю жисть мы спали на книжках, а в выблитеку не записаны! Они нам не мешали, мы им, потому как они тихие были, а мы буйные! Напьёмся, пляшем во дворе, а читатели идут в выблитеку, да давай вместе с нами плясать, пьянствовать водку, в выблитеку не идут, да провались она!

РАИСА. Вот такая у него струнка - всё врать, болтать, молоть! Удод из сточных вод! А я верю, смеюсь! *(Хихикает.)*

АНТОНИНА. Да. Красиво тут. Тут стеллажи стояли и какой-то мальчик читал книжки, а потом стал академиком. Тут слышно, что наверху говорят?

СОЛОВЕЙ. Да прям! Нету у нас никаких академиков в городе, говна-пирога!

РАИСА. Противный этот официант. Я знаю таких. Они, если кого не трахнут за день, считай - бесполезно прожитый день. Так?

АНТОНИНА. А Фантику сказал совсем другое.

РАИСА. Чего?

АНТОНИНА. *(Смеётся.)* Так.

РАИСА. *(Идёт по комнате.)* Хорошо тут. Ты врал, что током бьёт? Не бьёт. Чего-то мне так хорошо стало, спокойно, прям про что-то хорошее думаю! *(Смеётся.)* Мужика бы!

СОЛОВЕЙ. Где ж я тебе мужика возьму-то, Раёк? *(Смеётся.)* Книжки забыли. “Семеноводство” одна, а другая - Пушкин.

АНТОНИНА. Зачитанные. Надо гадать. Рая, скажите страницу и строчку?

СОЛОВЕЙ. Я скажу, она ж неграмотная, она же в торговле, цифр не знает! Сорок пятая, снизу третья!

АНТОНИНА. *(Открыла книгу.)* “Татьяна, русская душою, сама не зная почему, с её холодную красою любила русскую зиму!” *(Смеётся.)* Всю жизнь вы спали на гении человеческого духа. Что снилось, интересно?

СОЛОВЕЙ. Лаурка с ума сошла, потому, что книжек начиталась! Книжки - враньё! Красиво, а неправда, в жизни не так! Рассказываю вот! Сидела вся накрашенная, нафуфыренная одна у меня в поезде, на северном направлении это было, вез я её в тюрьму на свидание, а сколько их, блядешек дешёвых, поперевозил, ехали к своим хахам, а вот её помню. Прям с картины, ну, “Незнакомка”, блин, с коробки конфет, как я образно, другой раз, скажу! Вся такая из себя, фуфы-нуфы, ножки гнуты, ну вот. Вёз туда, гордая сидела, говорила красивое. Обратно - с синяками, побил он её. Трахнул, видать, деньги-золото забрал у неё, и что ж, ты думаешь, великая любовь такая, а? Великая! В мой вагон садится! Денег на поезд нетути, и я ей тогда перепихнин с повторинком со мной предлагаю, и она - что думаешь? - соглашается. Сделал я своё грязное дело ночью, а ей ночь ехать надо было, и вот, вот, довёз до места, высаживаю: вылезьте, мол, и спрашиваю - червяк в сердце сидит! - спрашиваю: “Милка, спрашиваю, а любовь-то твоя где к нему, что ж ты мне пела, туда как ехали, одно, а обратно взяла и эдак запросто - бух! - со мной, а?” А она: “К моей любви ваша грязь не пристанет!” Так и сказала, зыркнула, фыркнула, кмыркнула, выскочила, глаза вытаращила и бежать! Вот так!

РАИСА. Прям у меня аж сердце не колотится. Врёшь ты всё? Правда? И ты подлюга, так сделал? Соловьяга-подлюга ты! Там любовь была! Просто денег не было на билет! Эх, ты!

АНТОНИНА. Какая любовь. Чушь. Никакой любви нету, Соловей, могу тебе как многоопытное существо сказать это. Нету, Соловей. Страх есть только, страх - остаться одной. Прижаться к кому-то, а то одной или одному - страшно. А любовь? Бред. *(Кинула книгу на пол.)*

Соловей посмотрел в окно. Удивлённо поворачивается к Тоне, тычет пальцем в стекло.

РАИСА. Чего?

Тоня и Рая смотрят в окно, потом на Соловья.

АНТОНИНА. Что там?

СОЛОВЕЙ. Лаурка моя стоит у колонки, волосы распущенные, а в руках свечка.

РАИСА. Да спит она наверху, твоя Лаурка.

СОЛОВЕЙ. Ты точно видела?

АНТОНИНА. Спит, спит, правда.

Молчат, смотрят друг на друга, потом начали оглядываться на стены испуганно.

РАИСА. Напугал, ты, полосатый мух? Фу! Копилка у тебя сломалась? *(Стукнула Соловья по голове.)* Никого там не было! Так, слушайте сюда! *(Быстро ходит по комнате.)* Тут, знаете, что сделаю? Солярий! Знаете, что такое? Для загорать! Буду сама в нём загорать каждый день и за плату пускать людей! У нас одна с рынка ходит в солярий, прям вся чёрная стала! Я тоже там была, тепло, красиво, зелень искусственная! Или нет! Тут я ресторан сделаю. Вот так столики поставлю. Где этот официант? Позвать бы его для совету. Вообще-то, красивый мужик, только “голубой”, сразу видно. Клеянуть его, что ли? *(Смеётся.)* Слышишь, Соловьяга, долбак?

АНТОНИНА. И ресторан надо будет назвать: “У Романовой”. Нет “У Раисы Романовой!” Звучит, нет?

РАИСА. Точно. Молодец ты. *(Смеётся.)* Водочка по жилкам побежала и добежала до куда надо! Соловьяга, ну, дай прижаться, поглажу по волосатой груди твоей, Соловьяга, ну?!

АНТОНИНА. Возьмёте меня в официантки, нет? Или в экономки? Или как там это называется? Или возьмите меня стриптиз показывать, а? Разденусь, покручу задом перед шоферюгами! Тут ведь только шоферюги буду собираться. Хотя и среди шоферюг есть нежные мужчинки, среди народа, так сказать! *(Хихикает.)*

РАИСА. Ну, почему это? Отнюдь нет. Можно сделать со вкусом и для интеллигенции.

СОЛОВЕЙ. А у тебя есть малёхо, гляжу, девонька, бзikuшка на мужичишек, нет?

АНТОНИНА. Есть малёхо! Давайте, откроем тут театр русского романса. Или нет, стихи Мандельштама будем читать и народу с округи набежит море. Так?

РАИСА. Хоть бы и Мандельштама. Набежит. Закрой ротяку, поняла? Опять подкалывает? Соловьяга, скажи ей!

Алексей поднялся, наступил на половицу у стены, пронзительно кричит. Официант замер. Все бегут наверх. Тоня вбежала, матрас падает на неё.

АНТОНИНА. Все за стол! Едим, продолжаем вечер! Всё в порядке, садитесь, садитесь, тише, ура! Фантик, ешь!

АЛЕКСЕЙ. *(Кричит.)* Он висит! На берёзе висит! Тот работник, в косоворотке висит! Нет, это я! Я умер! Я умер!!! Не подходи ко мне!!!! Я умер!!! Меня током убило, убило, убило током!!! *(Молчит, смотрит на Тоню.)* Нет? Я жив? Я живой? Или я уже ушёл? Что со мной, ты не знаешь? Я хотел убить себя! Тебе назло, назло всем вам! Это было так близко, почему я не убил себя, я жив? Я не хочу!!!

МОЛЧАНИЕ.

АНТОНИНА. Ура! Едим! Надо кушать! Яблок Рая хотела - вот они, ура, все за стол! *(Поправила платье.)* За стол, гады проклятые, за стол! *(Плачет.)*

АЛЕКСЕЙ. Там ходит кто-то по траве, кто-то на что-то наступил и был крик, ор, там что-то такое страшное, мне опять этот старик... Старик!!!! Старик!!!! Этот старик!!!! Он тут, этот старик!!!! Старик!!!! Старик!!!!

Все смотрят на Алексея, который как червяк вертится на полу.

Я умру, умру!!! Когда-нибудь я умру, и ничего не будет, даже обычного вставания ночью по нужде не будет, ничего не будет, ничего!!!!

АНТОНИНА. Все за стол!!! За стол все!!! За стол!!!

Тоня перепугано озирается. Тащит Алексея в комнату, кладёт на кровать. Соловей пожал плечами, поманил пальцем Раису к себе, что-то шепнул на ухо, смеётся. Раиса посмотрела на него внимательно, хмыкнула, и они тихо, быстро пошли по лестнице вниз, в библиотеку.

Тише, Лёшка, тише ты, ты больной, ты не придурился? А вот Фантик, смотри какой красивый, он тебя забодает-забодает, ну? Тихо!

АЛЕКСЕЙ. *(Шепчет.)* Тоня, Тоня, я скоро умру, этот старик рядом, этот старик, он тут, он ходит вокруг дома!!! Я не жилец, я умру и тогда - зачем, зачем я жил, зачем, зачем?! Я искал какую-то правду, я искал счастье своё, я искал что-то и так и не смог найти, Тоня, Тоня! Зачем я жил, почему мне дана была такая короткая жизнь, Тоня?! Нет правды, нет смысла, но где-то есть великий смысл, где, где, Тоня, Тоня, ты слышишь меня, Тоня, как болит всё внутри, я смотрел, глядел сегодня на небо, Тоня, радость моя, Тонечка, глядел и думал, на купол смотрел, на чашу, опрокинутую над нами, на звёзды далёкие! Тоня, моя жизнь для вечности краткий миг, раз - и нету меня, песок, пыль, нету ничего, и тогда - зачем я страдал и мучался, зачем я жил, Тоня, Тоня, Тоня?!

АНТОНИНА. Спи, спи, спи, давай, и Фантик спит, спи, спи, спи!!!

АЛЕКСЕЙ. *(Долго молчит, внимательно смотрит Тоне в глаза, тихо.)* У меня на носу прыщик. В нём кто-то живёт, в прыщике в этом. Понимаешь? *(Пауза.)* Покатился, а меня стали толкать, я качусь, я с ними пока застрял, но скоро я упаду, все увидели, что я тону и стали помогать тонуть, помогать, подталкивать!

АНТОНИНА. Смотри, Фантик, забодаю-забодаю!!!! *(Тычет игрушку в Алексея.)*

АЛЕКСЕЙ. Свет, свет, свет!!!!

Сполз к кровати, кинулся к окну в коридоре. Тишина. Ласточки возятся в гнёздышках и слышно, что они воркуют что-то.

АНТОНИНА. Хватит!!!!!!

Обхватила Алексея, тащит на кровать. Он упал на постель, рыдает. Тоня озирается. Взяла ослика в руки. Куснула губу, поправила платье. Вышла, смотрит в глаза официанту.

ОФИЦИАНТ. *(Улыбается.)* Лишнего перебрал? Бывает. Мне убирать или далее?

Тоня молчит, смотрит на него. Смахнула слёзы.

АНТОНИНА. Иди сюда, что-то скажу. Не бойся. Мне страшно, милый. Дай мне руку, а? Пожалуйста?

ОФИЦИАНТ. В этом доме все очень любят жать друг другу руки.

АНТОНИНА. Тихо! Тише! Я прошу тебя: ты не мог бы меня успокоить? Это так просто! Ты прижми меня к себе, и мне сразу станет спокойнее. Понимаешь? Мне надо обязательно, мне страшно, страшно, поддержи меня и Фантика, поддержи нас, нам страшно, страшно!!!!

Взяла Официанта за руку, потащила за собой по лестнице вниз.

На первом этаже Соловей прижал к себе Раису, что-то шепчет ей на ухо, смеются. Тоня с Официантом спустились по ступенькам, быстро прошли к берёзе. Тоня повернула его лицо к своему, стала целовать быстро и мелко.

Лаура у окна первого этажа, смотрит на Соловья, трёт кулаком стекло. В руке у неё ласточка мёртвая. Молчит.

Плачет на втором этаже Алексей.

ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Третья картина

Прошло пять дней. Вечер. В доме что-то рухнуло, какая-то балка. Дом словно осел, просел, воздух из него вышел. И, главное, эти две линии, эти черточки, стрелы, эти ласточкины хвостики - оборвались. Болтаются струны над домом.

В доме нет света. Темнота. Сидят при свечах. Из колонки перестала бежать вода. Окна первого этажа снова закрыты ставнями. Светит луна и светло, как днём.

У дома стоит молодой парень-гаишник, машет проезжающим машинам полосатым жезлом. Гаишник в кожаной робе с вмонтированными в одежду красными стекляшками, которые в темноте светятся.

Соловей сидит на матрасе в коридоре, пьяный. Ноет, кричит. В руках у него гармошка. Время от времени Соловей растягивает меха и нажимает на одну кнопку - будто вой из мехов несётся, будто дразнит кого гармошка или плачет. Соловей весь в грязи вымазался, волосы спутались, ссохлись. Алексей на стуле, Раиса рядом.

РАИСА. *(Ест лук.)* Пятый день сидит, плачет. С утра под машину лёг вышел. Думал, что машина его переедет, не заметит шофёр, подумает - куча грязи. Долбак ты, Соловьяга! Еле вытащила с дороги. Хватит тебе. Ты сколько дней уже датый сидишь? Вчера крысу поймал, поджёг, в нору пустил, дом спалить решил? Дурак ты, долбак чертов!

СОЛОВЕЙ. *(Поёт.)* Я больной, ты больной, приходи ко мне домой, будем вместе анашу глотать! Ай, Лаурочка!

АЛЕКСЕЙ. Что ты мелешь?

СОЛОВЕЙ. Мамаша, мамаша хочу я анаша! Правильно, я долбак, а вы оба двое умные, сидят тут, собаки, чего сидите, уйдите, дайте мне покричать, побиться дайте мне! Ай, Лаурочка моя, Лаура!

АЛЕКСЕЙ. Молчи, молчи, ты спать не даёшь, я не могу спать, у меня в голове всё смешалось, замолчи, Соловей, перестань, не вернётся она уже, не вернётся!

СОЛОВЕЙ. Не вернётся? Ты откуда знаешь? Что ты знаешь? Тварь ты поганая! Косой, косой, подавился колбасой! Академик, писатель, паскудины все вы, ай, Лаурочка моя, всё из-за тебя, ты приехал, она из-за тебя!

АЛЕКСЕЙ. Да я-то здесь при чём?

СОЛОВЕЙ. *(Плачет.)* От вас зараза идёт, от вас, вы всех заражаете, мы так мирно жили, душа в душу, яишенку ели, по огороду ходили, картошечку садили, а теперь кому я буду её копать, зачем она мне, ай, Лаурочка моя, Лаурочка!

АЛЕКСЕЙ. Хватит!

СОЛОВЕЙ. Я-то вот просто пьяница, а ты - наркоманина проклятая, да, да, поди, наверное! Не может быть, чтоб ты ни с того, ни с сего так с ума начал сходить! Люди так с ума не сходят! Вы там привыкли, в верхах-то, всё не по-людски делать, изголяться, придумывать, сволочи! И Лаурка из-за вас ушла, из-за вас!

АЛЕКСЕЙ. Это лекарство! Я принимал лекарство! Мне нужны были уколы, понимаешь?!

СОЛОВЕЙ. Уколы тебе нужны были, ври! Не ври! Ты орёшь по ночам, за стенкой, тебе кошмары такие снятся, будто ты десять человек кокнул! А может, и убил, может, ты сто человек зарезал, раз так орёшь! Так просто люди не орут!

АЛЕКСЕЙ. Мне плохо, у меня нервная система нарушена!

СОЛОВЕЙ. Нервная система у тебя нарушена? Отчего она нарушена? От того, что жена ушла? Дак пришла же, назад пришла! А у меня нервная система может быть тоже нарушена, нет? Или только вам можно? От меня не жена, от меня душа ушла моя, мне теперь ложись, помирай, я старик стал, старик, ай, Лаурочка моя. Лаура!

РАИСА. *(Ест конфеты, бумажки на пол кидает.)* Ну хватит, закрой ротяку, меня прям убивает этот уровень!

СОЛОВЕЙ. *(Алексею.)* Всё дело в вас, в “инах” проклятых, ай, Лаурочка моя родная! Вот официант тот ходит сюда, ходит неделю уже! К тебе? К кому? Вы все там друг с дружкой перетрахались, вам друг с дружкой завалиться в койку - как два пальца, вы мать родную продадите, отца, братьев, сестёр!

АЛЕКСЕЙ. Хватит! Никто ко мне не ходит. Неправда, он не ходит! Ни к кому он не ходит! Что ты врёшь, он не ходит сюда?!

СОЛОВЕЙ. Ага, не ходит, а то я не вижу, не слышу, не знаю? Не ходит, как же! Я слепой тебе, да? Пять человек ночью с моста кинулось, поубивалось, Лаурки нету там, я ходил, смотрел, пропала моя деточка, моя девочка, пропала, пропала, была рядом - дура-дурой, так хорошо, так хорошо было с ней, а теперь что?

РАИСА. Ну, давай, я с тобой?

СОЛОВЕЙ. Отвали, дура, у тебя изо рта воняет!

РАИСА. В душу дак наклал вот ты, вот и воняет! Я люблю тебя!

СОЛОВЕЙ. А я Лаурку люблю. Всё из-за тебя, гадина!

РАИСА. Закрой ротяку ты! Дурак ты, долбак ты, пьянчуга!

СОЛОВЕЙ. Не тебе отчёт! Я пил, пью и буду пить, пить, пить, пить, пить!

Кричит что-то, головой стучит об пол, снова и снова тянет на гармошке одну и ту же ноту.

АЛЕКСЕЙ. Я не могу это уже больше это слышать! Пожар в публичном доме это всё! Пятый день он орёт! Как корова больная орёт, и орёт, и орёт, у меня голова кругом идёт без тебя, заткнись, хватит!!!!

Ушёл в свою комнату, зажжёт свечу, упал на кровать.

СОЛОВЕЙ. Зачем ты мне водку даёшь? Поишь меня? За толстую задницу золотишь свою?

РАИСА. Чтоб подняться не мог, а то блондаешь, где не надо.

СОЛОВЕЙ. *(Пытается встать.)* Пойду поищу. Может, спит где?

РАИСА. Да что ж она спать-то будет неделю?

СОЛОВЕЙ. Это она нас с тобой засекла, потому. Я ж видел, она у колонки со свечкой стояла.

РАИСА. Да чего ты мелешь, кто засёк-то? Да и даже и засёк, что ж теперь от того случится? Ничего. Ей одной хочется только? Закрой ротяку.

СОЛОВЕЙ. Потому, потому ушла, потому!!!!

РАИСА. Ну и что? Тебе-то она кто была? Дура какая-то. На меня посмотри. Какая я деловая-то, ну? А она?

СОЛОВЕЙ. Свету нету. Вот, отрезали нас, как и обещали. Совсем мы как кораблик стали, как в воронку попали, отрезали нас от всего, и Лаурка ушла, радость моя, один я теперь, теперь лягу и помру! Она как пёрышко, ветром её подхватило и унесло, Лаурка, Ларисочка, где ж ты, моя солнышко, где, где?!

РАИСА. Любила бы, так, поди, давно бы пришла. Значит, спуталась с каким, нашла себе кого, замолчи!!!

Ласточка бьётся в окно. Соловей смотрит на неё, плачет.

СОЛОВЕЙ. Как Лаурка моя, такая же худенькая, ну, что ты стучишь так, ты ж убьешь себя, убьешь, Лаурочка моя родная?!!!

Ласточка упала, кошки шмыгнули по траве.

РАИСА. Да сядь, что так биться-то тебе, не выдумывай!

СОЛОВЕЙ. Ой, Лаурка, она ж не Лаурка, может обиделась, что называл её Лауркой, она ж Лариска, на самом деле, Лариска моя, крыска моя, да что ж ты наделала, куда ж ты

делась, она как ребёнок мне была, глупая она, её мужик какой-то до моста довёл. А вдруг она с моста кинулась? А я проворонил, не заметил, с тобой провошكالся, а?!

РАИСА. Не кинулась, заткнись. Придёт ещё. Бегаёт, ворон пугает. Ничего она не видела, врешь ты.

СОЛОВЕЙ. Видела, увидела, приревновала, сбежала.

РАИСА. Да хватит тебе! Здоровый мужик, красивый, молодой, Соловеюшка, милая моя Соловеюшка, дай прижмусь, бедный, не плачь, я тоже стану плакать, а? Ведь хорошо же было, и тебе, и мне, так, нет? Ну, скажи, не передумал?

СОЛОВЕЙ. Да про что я передумать должен?

РАИСА. Со мной жить-то?

СОЛОВЕЙ. Да разве ж я обещал?

РАИСА. Обещал.

СОЛОВЕЙ. А где?

РАИСА. Тут.

СОЛОВЕЙ. Тут - капут. Балка какая-то рухнула, прогнила, а может, крысы что съели и балка обрушилась.

РАИСА. И балка, и балка, и балка. Меня убивает этот уровень.

СОЛОВЕЙ. Нет, это душа ушла, воздух вышел, Лариска ушла и воздух вышел, лопнул шарик-то наш, а всё ты, да они ещё, понаехали. Так где мы жить будем? Он скоро, весь-то твой ресторан с музыкой, все твои беседки, плющом-то увитые, всё твоё красивое-распрекрасное уйдёт в болото, и что тогда, ну?

РАИСА. Не уйдёт всё-то, поди.

СОЛОВЕЙ. *(Поёт.)* По военной дороге шёл в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год!!!! *(Плачет.)* Я сегодня берёзу бинтовал изолентой синей. Бинтовал, думал: мне наказание это, Лаурка ушла в наказание, что я берёзу гроблю, а она Богом созданная, а я гроблю! Бинтовал, думал: я сделал тебе, Господи, сделай ты мне теперь, верни Лаурку!

РАИСА. Ну, прям уж. Хотя правильно, что бинтовал. Я когда кормить бросала, бинтом себя перевязывала, чтоб молока не было.

СОЛОВЕЙ. Кого ты кормила?

РАИСА. Ребёнка, кого.

СОЛОВЕЙ. У тебя и ребёнок есть? Первый раз говоришь! Где он? Откуда?

РАИСА. В детдоме ребёнок. А чего? Куда его взять? Вот встану на ноги, заберу его оттуда.

СОЛОВЕЙ. А, ясно. Всё ясно с тобой. Заберёшь. Встанешь. Сволочь ты, выясняется. Толстая сволочь, для себя всё живёшь, конфетами обжираться, себя только кормишь, кофты поперёк гладишь, чтоб поширше были, сволочь ты, Райка!

РАИСА. Я что, виноватая, что мне ребёнка нельзя иметь? Что меня дети раздражают? Только кошку могу иметь, а детей бить охота сразу, виноватая? Дай, я к тебе прижмусь, ну?

СОЛОВЕЙ. Ты и меня начнёшь бить скоро, поди! Хватит меня чикать-макать, не трожь, отстань! *(Идёт к Алексею в комнату, входит без стука.)* Алёшка? Лежишь? Ты всё говорил про меня, что я старик. Я посмотрел сегодня в зеркало на себя: я старик. Лёшка, а мы ведь одногодки с тобой, а? Лёшка? Ну, скажи мне, где она, а?

Пришла Раиса, ест лук, стоит у дверей.

АЛЕКСЕЙ. Куда она денется, придёт.

СОЛОВЕЙ. Не придёт. Она с моста кинулась. Вот, как всё устроено. Вот зачем всё это на свете устроено? Вот ласточки, вороны, река, всё это вот, вот хотя бы тараканы вот зачем? Ну, Алёшка?

РАИСА. Тараканов Бог сделал против грязнуль.

СОЛОВЕЙ. Нет. Твои тайные общества сделали тараканов, чтоб когда ты спишь, они тебе в глотку залезли и застряли! Ай, Лаурочка моя, ай, Лаурочка!

РАИСА. Ешь лук, это витамины!

СОЛОВЕЙ. Не хочу!

РАИСА. А ты через “нехочу”, витамины твои рыдания остановят тогда! Я три кило посадила, зачем, знаешь, сколько денег стоило?

СОЛОВЕЙ. Отстань, ханыга рублёвая! Ай, Лаурочка моя-а-а-а!

АЛЕКСЕЙ. Да ну перестань ты, хватит!

СОЛОВЕЙ. Она с моста кинулась. Она с моста кинулась! Она с моста, с моста!

АЛЕКСЕЙ. Мы бы видели. Я на балконе стою, курю, сижу, мне воздух свежий надо. Я бы видел милицию или ещё чего. Сегодня ночью её не было, не было, не было! Надо газету купить, может, там что написано, в криминальной хронике. Сходите, Рая, купите.

РАИСА. Ага, щас! Буду бегать, как шестёрка, нашли крайнюю, искать вашу красавицу из Нагасаки! Где я куплю, ночь на дворе!

АЛЕКСЕЙ. Ну, в соседнем доме попросите или ещё где, вы видите, что с ним, он мне на нервную систему действует, я с ума схожу!

РАИСА. Да тебе на нервную систему действует, что твоей дома до ночи нету!

АЛЕКСЕЙ. Мне всё равно, она такой человек!

РАИСА. Меня убивает этот уровень. Буду я бегать в десять вечера по соседям. Обойдётся. Привыкать уже должен один жить, привыкать должен, что нет её и не будет. Я тоже долго привыкала, но привыкла. Без дочки жить привыкала, а привыкла, потому что надо сначала базу, базис, а потом остальное. А он без базиса взялся с ней жить, на картошке прожить. И вот тебе - закат солнца вручную. Не куплю. Придумают, тоже. Хватит тебе. Сядь! Не придёт она!

СОЛОВЕЙ. *(Поет.)* Что я кому сделал? За что меня наказало? Я же никому плохого не сделал, ну, скажите, за что наказало? А твоя-то где, твоя-то тоже ушла? Нету наших баб, нету никаких. Где она?

АЛЕКСЕЙ. Уехала в город, по делам, приедет сейчас.

СОЛОВЕЙ. Мне-то это - монописсуально, только она, поди, к тому официанту поехала, конечно, к нему, а ты сидишь тут, правильно, сиди, а они обнимаются. Целуются, над тобой смеются. Как Лаурка моя сейчас с кем-то, ай, Лаурка, ай!

РАИСА. А мы тоже тогда будем обниматься! Дай, я тебя приголублю, накормлю. Смотреть за тобой надо, ты ведь опять под машину пойдёшь, ну, зачем ты лёг, долбак? Ты что захотел сделать? С моста иди, чтоб тебя все видели, хоть пролетишь тогда пять метров, а то лёг в грязюку, лёг, там-то хоть найдут, с камней хоть соскребут, а тут с грязюкой перемешаешься и грязюкой станешь, землёй станешь, а я его достаю из грязи, горе мне, меня убивает этот уровень!

СОЛОВЕЙ. Землёй стану, землёй буду, ай, Лаурочка моя! *(Молчит.)* Всё хотел спросить у тебя, Райка: почему у тебя зуб железный спереди, как у ведьмы?

РАИСА. Ну вот, правильно, я же и ведьма! Мне корова в детстве выбила зуб, я её доила, а она рогом поддела, вот тебе.

СОЛОВЕЙ. Дак ты, Романова, из деревни? Расчихал я тебя. Не из Москвы? Не из царской семьи, стало быть? Может, ты и не Романова вообще?

РАИСА. Меня убивает этот уровень, докопался. Дай, поглажу тебя, ну?!

СОЛОВЕЙ. Отстань от меня, дура, воровка, сука, тысяча миллионов раз продажная сука, на тебе пробы негде ставить, всё из-за тебя, из-за тебя, из-за тебя!

Ушёл в свою комнату. Раиса пришла к нему. Достала конфеты из кармана, ест, молчит.

РАИСА. Ну, хватит меня костерить, хватит ругаться, вспомни, как тогда было хорошо нам, что ты про эту дуру думаешь всё? Она червяк была, забудь! Голова у тебя, копилка

твоя, не работает, слышишь? Выгоды своей не понимаешь, ты? Прижмись ко мне, крепче, давай, как тогда, я тебя купцом сделаю, иди ко мне, ну?

СОЛОВЕЙ. *(Бьёт Раису, выталкивает за двери.)* В пим, в пим дырявый и тебя, и твои деньги, дурко синтетическое, дурко неразумное, жить всё равно не буду, под машину лягу! Пошла вон, дура, вон, вон, вон!!!!!!

Раиса выскочила на улицу. Вороны стаяй поднялись над домом, орут.

Раиса бежит вокруг дома, кидает комья грязи в ворон, падает, вымазалась, слёзы размазывает.

РАИСА. *(Кричит.)* Кыш, проклятые!!!! Кыш!!!! Кыш!!!! Кыш! Закройте ротяки ваши поганые!!!! А ну, закрыли ротяку все! Попозакрывали быстро свои ротяки, закройте, гады такие! Позакрывайте ваши ротяки вонючие!!!!

Плачет, убегает по дороге к мосту. Соловей лежит ничком на постели в своей комнате.

Гаишник повертел головой, пошёл вдруг в дом, на второй этаж. Идёт, с любопытством улыбается, светит фонариком перед собой. Вошёл в коридор. Прошёл в комнату Алексея. Направил на него лучик.

ГАИШНИК. Колонка не работает. Попить хотел. А тут люди живут, да?

Алексей улыбается. Широко расставил руки, смотрит в луч фонарика.

АЛЕКСЕЙ. *(Шепчет.)* Я рад. Как я рад! Старик!!! Это ты, старик?! Ты пришёл, старик? Ты пришёл за мной, старик? Ты пришёл забрать меня, старик-землемер? Мы пойдём вместе. Мерять землю, навстречу солнцу, да, старик?! Как хорошо, старик, что ты пришёл! Ты только погоди, я ещё не готов, мне надо ещё кой-какие мысли привести в порядок, я не успел всё сделать, старик, стой! Стой, стой, я расскажу тебе что-то: я всё время вижу один и тот же сон, одну и ту же картину, человек идёт, человек в жёлтом дождевике идёт по заснеженному полю, идёт и меряет землю, я бегу к нему, и начинаю помогать ему - мерять землю! Старик! *(Радостно.)* Мы пойдём вместе с тобой! Я вижу тебя, я вижу, как идёшь ты долго, бредёшь медленно, но упорно в одну и ту же сторону, одним тебе ведомым путем, идёшь, прокладываешь новую дорогу, идёшь не спеша, но верно, по заснеженному полю, по заснеженной реке, к другому какому-то берегу, а слева у дороги стоит колонка, выкрашенная красным, она пересохла, последние капли из неё капают, из колонки, нету воды, а рядом стоит Лаура, глупая бедная Лаура, она стоит рядом со свечкой в руках, да, старик, я знаю, старик, Бог мой, судьба моя, вы грустно-грустно смеётесь надо мной, вы играете со мной, вы словно знаете, что впереди меня ждёт ещё и ещё более ужасное, старик, старик, я знаю тебя, ты приходишь ко мне во сне, ты приходишь часто, я вижу тебя, ты тот самый старик, что работал над железом, ты играешь на пиле, ты играешь на пиле и произносишь французские слова! Bonne chance! Ça va! Un bijou! А рядом стоит берёза упакованная, завернутая в изоленту синюю, синюю изоленту, она завернута, чтоб из неё не бежало молоко, зачем ты пришел за мной старик, я не готов, я не успел, я хочу с тобой пойти, но я не долюбил, я не успел, я ничего не успел, старик, старик! Bonne chance! Ça va! Un bijou!

Смотрит в коридор. Лаура со свечой в руках стоит на половице. Вдруг сгорела и исчезла. На первом этаже зажгётся свет, кто-то ходит по комнатам, под ногами трещит разбитое стекло.

Прекрасна жизнь! Как не хочется умирать, если бы ты знал, старик, как не хочется! Как хочется жить, идти вместе с тобой по полю, в жёлтом дождевике, идти, идти, но жить, не умирать, старик! Как в жизни прекрасно всё! Даже этот воск, что бежит со свечки, как он прекрасен! Старик, видишь? Свечи горят, надо зажигать их, миллион, да, да! Я расскажу

тебе, что будет, когда мы обойдём с тобой землю! Я вхожу в дом, на полу солнечные квадраты, кошка безухая идет мне навстречу, потягивается, смотрит на меня, будто я уходил в магазин на полчаса, а меня не было много лет, но я пришёл, обмеряв землю! Я войду в дом, сяду за мой старенький стол, и напишу письмо, куда-то, кому-то, в ту дальнюю страну, где я был не так давно, тем людям, что там живут и помнят меня, идущего по полю в жёлтом дождевике. И вот я пишу ручкой, а она отражает лучи солнца, потому что она вся блестящая и эта белая радуга прыгает по окну, движется в такт написанному мною в китайской тетрадке. Я пишу им и всем, что истина - истина! - найдена, старик, найден ответ, всё ложь и зло, зло и ложь, но в мире, в мире, где-то там в Мире - есть где-то правда, а мы теперь живём на земле, а вечно - вечно мы будем жить в Мире, старик, ты слышишь меня?! (*Уронил свечу.*)

МОЛЧАНИЕ.

ГАИШНИК. (*Улыбается.*) Темно, я думал...

АЛЕКСЕЙ. (*Молчит. Быстро, тихо.*) Кто тут? Кто?

ГАИШНИК. Это я. Я с дороги.

АЛЕКСЕЙ. Что вы хотели? Что? Что?!

ГАИШНИК. Нет, я на работе. Зашёл воды попить. Там колонка не работает. А тут люди живут?

АЛЕКСЕЙ. Тут люди живут. Тут живут люди. Тут живут. Тут живут. Я не смогу найти свечу, посветите себе в лицо, я посмотрю на вас.

Гаишник светит себе в лицо, улыбается.

ГАИШНИК. Видно?

АЛЕКСЕЙ. Почему вы улыбаетесь?

ГАИШНИК. Так.

АЛЕКСЕЙ. Почему?

ГАИШНИК. Весна, тепло, ласточки щебечут тихо. Прошёл дождь и снег последний растаял и тепло, и хорошо на улице. Люблю, когда весна.

АЛЕКСЕЙ. Вы поэтому улыбаетесь?

ГАИШНИК. А разве плохо? Повода нет?

АЛЕКСЕЙ. Только поэтому?

ГАИШНИК. Поэтому.

АЛЕКСЕЙ. Правда? Любите весну?

ГАИШНИК. Очень.

Молчат, смотрят друг другу в глаза.

АЛЕКСЕЙ. Сядьте. Я найду воду. Где-то была банка с соком. Сейчас найду. Сядьте.

Ходит по комнате, переворачивает какие-то вещи, ищет банку с соком.

По дороге к дому идут Тоня и Официант. Он закинул пиджак за спину, держит его за петельку для вешалки. Идут, смеются, крошки кидают в воздух, ласточки на лету хватают их.

АНТОНИНА. У отца фамилия была “Дементьев”, писалась я в школе по матери “Петрова”, воспитывалась у бабушки, у которой почему-то осталась девичья фамилия “Иванова”, вышла замуж - стала “Сергеева”. А во второй раз - стала “Манукян”, с третьим, с ним, не расписывались, а все зовут меня Антонина Сориная, а все документы у меня на фамилию Коростелева, которая я даже и не знаю откуда появилась. Вот кто я, может мне кто-нибудь сказать? Я бабочка. Порхаю. Люблю любить. Ну, не любить, а называется так на человеческом языке. В общем, люблю увлекаться! Глупая очень. Да? Плохо, как плохо всё! (*Смеётся.*)

ОФИЦИАНТ. Да что у вас плохого?

АНТОНИНА. Плохого? Часто хочу выпить лишнего, травки покурить, потом сесть за руль чьей-нибудь машины и врезаться в столбик, не случайно, а специально, понимаешь?

ОФИЦИАНТ. Почему?

АНТОНИНА. Не знаю. Так просто. Бессмысленно всё, в общем-то, нет?

ОФИЦИАНТ. Ладно болтать, молодая, хорошая, красивая, какой столбик, твоя болтовня - то же самое, что в угол, на нос, на предмет, да? Ты просто интересничашь передо мной, глупышка?

Ворона упала с неба к ногам Официанта и Тони. Она смеётся, он ткнул ногой ворону.

АНТОНИНА. Опять как в театре. В самый трагический момент падают номерки. *(Смеётся.)* И ни капельки не пугает. Я мечтала стать актрисой! Ты любишь театр?

ОФИЦИАНТ. Безумно.

АНТОНИНА. *(Достала из сумки ослика-игрушку, тычет им в официанта.)* Смотри у меня какой Фантик, забодаю-забодаю-забодаю!!! *(Хихикает.)*

ОФИЦИАНТ. Дурашка маленькая, артистка! *(Смеётся, целует Тоню, прижимает к себе.)*

Тоня прижала палец к губам, побежала к туалету, скрипнула дверкой.

Гаишник в комнате Алексея сел на стул, закрыл глаза и заснул. Алексей нашёл банку с соком, пришёл в комнату к себе. Присел перед Гаишником на пол, смотрит на него, улыбается. Гаишник во сне тоже улыбается.

По первому этажу кто-то ходит.

Алексей ковыляет на балкон. Вглядывается в темноту, кричит:

АЛЕКСЕЙ. Эй, кто там? Кто там, ну?

Официант помолчал, потом вышел из тени берёзы ближе к балкону, сплюнул на пол, сказал:

ОФИЦИАНТ. Ну, чего?

АЛЕКСЕЙ. Кто? Кто это?! Чего тебе надо? Ты дьявол! Он спит, не тревожь его! Зачем ты пришел?!

ОФИЦИАНТ. Бред какой-то. Кто тут дьявол? Я девочку провожаю. Смешную девочку. А что? Нельзя? Она твоя? Нет ведь. Или твоя? Иди сюда, поговорим, ну?

АЛЕКСЕЙ. Я ведь спущусь, я могу спуститься, не веришь, я могу спуститься, дьявол!!!! Уходи отсюда, иди к чёрту, иди к тому, кто тебя послал, уходи, сказал, ну?!

ОФИЦИАНТ. *(Смеётся.)* Идиот. Я ему про лепёшки, а он мне про говёшки.

АЛЕКСЕЙ. Убирайся!

ОФИЦИАНТ. *(Смеётся.)* Эй, ты, в натуре? Сегодня ты мне не платишь и я тебе прыгать не обязан! Ты иди сюда, а не я к тебе, ну? *(Хохочет.)* Иди сюда, красавчик, я тебе кое-что на ушко скажу! Глянь, что сделаю!

Подошёл к березе, развязал изоленту, подставил ладони - берёзовый сок капает ему на руки, он себе в лицо сок бросает, смеётся.

АЛЕКСЕЙ. Не смей, не смей, что делаешь?!

ОФИЦИАНТ. *(Смеётся.)* Того и делаю, что нравится, что дозволено!

АЛЕКСЕЙ. Старик! Это ты, старик!!!! Старик!!!! Старик, ты пришёл, я увидел тебя, тот самый старик!!!! Я убью тебя, старик, я убью тебя и буду жить вечно, я не умру, старик!!!!!! Я спустился! Я буду жить! Неправда, неправда, это не могила, это не смерть, неправда!

Алексей бежит по коридору, падает, кубарем сваливается с лестницы. Из туалета выскочила Тоня, визжит. Официант бьёт Алексея, пинает его ногами.

АНТОНИНА. Алёшка?! Зачем ты спустился! Сволочь проклятая, ты кого бьёшь?!
(Хлещет Официанта по щекам.) Не смей, сволочь проклятая!!!!

ОФИЦИАНТ. Ну-ка, ну-ка, ты, приberi обмылки! Чего, а? Знаете, что? А пошли вы оба! Только тебе, подруга, скажу: начала ты хорошо, да потом что-то скурвилась. Да мне - вы оба, знаете, что... Пока, лярва.

Ушёл в темноту, свистит. Алексей отталкивает Тоню, нашёл валяющуюся на полу изоленту, завязывает березу.

АНТОНИНА. Лёшка, не сходи с ума, иди в дом!!!

Алексей кое-как замотал берёзу. Потом кинулся к окнам первого этажа, прильнул к выгнившему в ставне сучку, долго и внимательно смотрит туда, в мерцающий огнями подвал.

По дороге к дому бежит Раиса, в грязи выпачкалась, босая, бежит, в руках газета. Раиса дрожит, бормочет одно и то же себе под нос:

РАИСА. Кыш, проклятые, кыш, кыш, кыш, кыш проклятые!!!!!!

Прибежала на второй этаж, в комнату Соловья, растолкала Соловья, тычет ему в нос газету.

Вот, вот, вот, Соловеюшка, она не упала с моста, нету её там, она ушла к другому, я ж сказала тебе, она тебя не любит, я люблю тебя, я люблю тебя, Соловеюшка!!!!!! На тебе газету, читай тут всё, что написано! Ничего не написано про неё!!!!!! Ничего!!!!!!

Алексей корчится на земле у ставень. Тоня кровью пачкается, тащит Алексея к лестнице, обнимает его, шепчет:

АНТОНИНА. Фантик, ты где?! Помоги, Фантик! Фантик! Помоги мне!...

ТЕМНОТА

Четвёртая картина.

В тот же вечер, ночью. Раиса сидит рядом с Соловьём в его комнате, Соловей стонет.

Тоня моет Алексея, поставив железную ванну посреди комнаты.

Гаишник всё так же сидит на стуле, спит, приоткрыв рот.

Свечка горит.

Алексей сидит, опустив голову. Тоня трёт ему спину.

АЛЕКСЕЙ. Теперь шрам останется.

АНТОНИНА. Шрамы украшают мужчин. Холодная вода?

АЛЕКСЕЙ. Нет.

АНТОНИНА. Нагреть никак нельзя. Два ведра с речки принесла, половину расплескала, пока шла, темень какая. Надо было хотя бы в кастрюльке на костре. Костёр во дворе хотя бы сделать. Хочешь?

АЛЕКСЕЙ. Нет. Худой какой я. Да?

АНТОНИНА. Нормально.

АЛЕКСЕЙ. Однажды много лет назад одна баба-дура спросила у меня: “Что ж ты такой худой?” Я говорю ей: “Страдаю.” Она хмыкнула на меня, папенькиного сыночка, вспомнив про нашу квартиру, мебель - всё-всё, и сказала: “Да вам-то с чего?” А я хотел ей сказать, что вот от того самого, от чего она думает, что мне хорошо, я и страдаю. Но почему-то не сказал. (Молчит.) Понимаешь ты меня?

АНТОНИНА. Я понимаю. Ты за Россию и за народ страдаешь.

АЛЕКСЕЙ. Смеёшься.

АНТОНИНА. Слушай, никогда не видела твоего отца. А он, правда, был академик?

АЛЕКСЕЙ. У меня тоже вопрос. Сколько у тебя было их, самоутверждений, пока живёшь со мной? Кроме тех, что я знаю?

АНТОНИНА. Хватит! *(Слушает, как Соловей поет в соседней комнате.)* Почему он так поет. Это называется любовью? Смешно. Он почти животное. Валенок. Я не могу слышать это.

АЛЕКСЕЙ. Странно, что он такой же бездельник. Как и я. Как все мои друзья и знакомые - все были бездельники. И в народе тоже никто не работает, все разговаривают только, никто ничего не может, как этот, например, землемер - работающий человек.

АНТОНИНА. Какой землемер?

АЛЕКСЕЙ. Тут ходит один, весёлый, смешной, землю меряет. Человек. Ходит.

АНТОНИНА. Лёшка, что же это за припадки у тебя такие, а?

АЛЕКСЕЙ. Никаких у меня нет припадков. Все выдумываешь. Я здоров, как бык.

АНТОНИНА. Да, здоров, тише, не дёргайся. Страшно тут ночью, смерть кругом. Этот сидит, сопит. Он кто?

АЛЕКСЕЙ. Человек. Любит весну. И, наверное, любит лето, зиму, осень. У него на лице - любовь. Он не замечает конца света. Конец света. Конец света и признаки того на лице, нет - на лицо.

АНТОНИНА. Философствуешь. Что ты голову опустил? Ты меня стесняешься?

АЛЕКСЕЙ. Я его стесняюсь.

АНТОНИНА. Смешной какой он, молодой. Все молодые смешные. Странно. Сюда приходят люди и остаются. Спит, рот открыл.

АЛЕКСЕЙ. Пусть спит, тут тепло, на улице холодно.

АНТОНИНА. Пусть спит, разве я что сказала?

АЛЕКСЕЙ. Когда я умру, ты будешь так же обмывать моё тело. Тебя вызовут, ты придёшь откуда-то, из чьей-то тёплой постели, потому что по-людски, по-русски, ты всё равно должна будешь меня похоронить, ведь мы прожили по десять лет каждый из своей жизни друг с другом, да, да. Придёшь. Или приедешь. Тебя вызовут. Посадишь моё тело в ванну, у меня уже не будет голова держаться, будет падать набок, а ты будешь меня мыть. Потом положишь в чистый сосновый гроб и там, за домом, возле берёзы выроешь неглубокую ямку и похоронишь меня. Я придумал себе эпитафию на могилу. Слышишь? Поставь мне крест, обязательно крест, только крест и более ничего, поставь мне простой русский крест. Напиши обязательно на кресте, на простом кресте, на таком кресте, где одна палка указывает в ад, другая - в рай, напиши: "Была в России зима, а он - жил". Слышишь?

АНТОНИНА. Как красиво. И глупо. Ничего я писать тебе не буду. Потому что ты будешь жить ещё сто лет.

АЛЕКСЕЙ. Нет, я умру, и напиши: "Была в России зима, а он жил." Именно так. Ни фамилии, ни имени, ни года рождения, а просто - жил человек в зиме, жил и жил себе, а что за человек - не важно. Шёл и шёл себе по заснеженному полю, один шёл, шёл по одному ему ведомой дороге, шёл куда-то, мерял землю. Да, да. Народу на похороны на мои придёт немного. Вообще никто не придет. Только ты, Соловей этот и более никто. Будут вороны кружить в небе, будут кошки шастать по крапиве вокруг дома, будут крысы бегать по подвалу, всё будет живое и огромное, а меня не будет, я, как заснувший будто, буду сидеть в гробу, нет, лежать в гробу буду, и так будет, я знаю. Была зима, а он жил...

АНТОНИНА. Хватит болтать, жалеть себя.

АЛЕКСЕЙ. Да, да. Потом уезжай в другой город, в другие города, где я не бывал. На свете много есть разных городов. Я вообще думаю, что если я не там - то там жизни нет. Так мне кажется. Мне кажется, что если я не живу в каком-то городе, то этого города вообще не существует на карте. А мир - мир он только тут, у нас тут, возле нас тут. Вот

береза эта, вот вороны больные, дохлые, вот окно. Вот машины едут. Грязью наш дом обливают. Вот ещё что-то там чёрное, вот наши стрелки-струнки-проводки, к которым мы подключены были, или нас подключили, а потом отрезали ни с того, ни с сего, и всё, а больше мира нету никакого. Нету никакой жизни. И как только я приеду в тот город, который знал лишь на карте, то, как в сказке, в том городе начинается жизнь, она замирала, пока меня там не было. А теперь продолжается. Хорошо я придумал? Мне сорок лет, мне сорок лет, меня переполняет, во мне, в душе так много, душа моя, о, душа моя, Господи мой, Бог мой, я так много хочу сказать людям, мне так много хочется сказать, но кому и как, как и кому сказать, где сказать, я только и могу промышать что-то нечленораздельное... Я ничего не могу. Зачем я жил. Зачем я живу. Мне надо умирать. Вымой меня и сразу зарой. Я - ноль. Я - ничто. Зачем, зачем, зачем. Я бесполезен, как крапива вокруг дома.

АНТОНИНА. Из крапивы можно сделать салат, есть его и жить. И суп можно сварить из крапивы. Ничего не бесполезно. То есть, ничто не бесполезно. Хватит. Всё, хватит.

АЛЕКСЕЙ. Суп из крапивы - это хорошо, очень полезно, только не вкусно.

Тоня трёт спину Алексею, молчит.

АНТОНИНА. Не болтай. У нас ещё с тобой всё будет, не бойся, всё будет. Так?

АЛЕКСЕЙ. Ничего не будет.

АНТОНИНА. Будет, будет.

Алексей встал в ванной, Тоня его моет.

АЛЕКСЕЙ. Знаешь, я сидел сейчас в ванной, вода была на коленях, на лодыжках, я сидел, луна светит, тут светло и тихо, и странно, что я вдруг тут, где-то в каком-то склепе, сидел и думал: время от времени все люди вот так же сидят в ванной и смотрят на волосы, которые растут у них на ногах и которые вот так колыхнутся в воде, и сидят люди, и разглядывают свои ноги в воде и о чём-то думают. О чём думают все люди, когда сидят так в ванной, а?

АНТОНИНА. Ни о чём.

АЛЕКСЕЙ. Сидел, молчал, ты мыла меня, а я просил прощения у всего света. А за что - не знаю сам. И думал ещё: что мы несчастны, что жизнь - юдоль скорби, что всё в жизни и жизнь сама быстротечна, что все умерли...

АНТОНИНА. *(Кричит.)* Да кто у тебя умер, что ты раньше времени всех и себя хоронишь?! Кто, ну? Отец, мать? Ну и что, а кто ещё? Ты сам детей своих хоронил? Ты их ещё и не рожал! Ноешь, не сходи с ума, хватит! Всё, иди в постель, ложись!

Вытирает Алексея полотенцем, заворачивает в него. Алексей лёг на кровать лицом к стене. Молчат.

Тоня кусает губу. Повертела головой, стала собирать чемодан.

Гаишник проснулся.

ГАИШНИК. *(Улыбается.)* Это я уснул, что ли?

АНТОНИНА. Ничего, ничего, пожалуйста.

ГАИШНИК. Пойду, простите. Тут тепло, я пригрелся, весна. То есть, я весной - как будто снова служу в армии: всё время хочется спать. Мне в армии всё время хотелось спать. *(Молчит.)* И не знаю - почему. *(Улыбается.)* Так вышло, извините, я просто хотел воды попить.

Встал, пошёл в коридор. Тоня за ним.

АЛЕКСЕЙ. *(От стены.)* Я не сплю.

АНТОНИНА. Лёшечка, я за бутылкой вина схожу. Куплю, тебя согреть надо, да? Я быстро, ладно? Я быстро. Я приду. Я куплю пойду бутылку вина, у меня денег немного осталось. И мы выпьем, отпразднуем ещё раз наше соединение. Так? И все будет хорошо. Молчи, ни слова! Я приду сейчас!

Быстро идёт через коридор на лестницу с чемоданом в руках.

Соловей и Раиса сидят на матрасе в коридоре. У Соловья в руках черепки от разбитой кошки, перевязанные изолентой. Он их так и сяк вертит, рассматривает.

СОЛОВЕЙ. Финт ушами делаешь?

АНТОНИНА. *(Шепотом.)* Молчите, сволочи проклятые, не ваше дело, я что, живём в вашей могиле закопаться должна вместе с вами, сами оставайтесь!!!!

Подошла к Гаишнику, который в коридоре нащупывал входную дверь, сказала быстро:

Послушайте, остановите мне машину, мне надо уехать. Мне надо срочно уезжать.

ГАИШНИК. А что за срочность? *(Улыбается.)*

АНТОНИНА. Пожалуйста, довезите меня куда-нибудь, я не хочу тут больше, прошу вас!

ГАИШНИК. Да? *(Молчит.)* Ну, пошли...

Вышли на улицу. Тоня споткнулась, повисла на Гаишнике, обвила его руками за шею. Молчат. Гаишник улыбнулся.

Вышел на дорогу, махнул проезжающей машине жезлом, сел в машину вместе с Тоней. Уехали.

В доме всё так же темно.

Алексей лежит на кровати.

РАИСА. *(Соловью.)* Ну, как ты? Живой? *(Гладит Соловья по плечу.)* Что смотришь?

СОЛОВЕЙ. Вроде, там ходит кто в подвале? Она, нет?

РАИСА. Да нету её.

СОЛОВЕЙ. Тихо! Слушай!

Ласточки в гнёздышках возятся. Звезда на улице за дом упала. Тишина.

Вдруг что-то мне по рукам и ногам будто тронуло. Будто пушинки какие меня тронули. Это она умерла как раз в эту минутку, да?

РАИСА. Да ладно тебе молоть.

СОЛОВЕЙ. А что за пушинка меня тронула? Скажи, что тронуло?

РАИСА. Да ничего тебе не тронуло, тронутый. *(Плачет.)* Чего ты такой, ну, скажи? Или ты её, правда, любишь?

СОЛОВЕЙ. А что такое - "любишь", Раиска? Ты знаешь?

РАИСА. Не знаю. Что-то такое.

МОЛЧАНИЕ.

СОЛОВЕЙ. Живот болит.

РАИСА. А что мы ели?

СОЛОВЕЙ. Уху из рыбы.

РАИСА. А ещё что? Хлеб там был, что там еще было?

СОЛОВЕЙ. В ухе?

РАИСА. Ну да, в ухе и на столе.

СОЛОВЕЙ. Хлеб был, соль была, чай, вода в чае, чайники, сахар в чае, в ухе ещё укроп, косточки, перец, морковка, лук.

РАИСА. Ну да. Дак от чего болит-то? Может, от воды в чае?

СОЛОВЕЙ. От воды в чае, думаешь?

РАИСА. Ну, наверное от этого живот болит.

СОЛОВЕЙ. А чего мы ещё ели? *(Плачет.)*

РАИСА. Не помню. Что ж мы ели-то. Не плачь. *(Плачет.)*

СОЛОВЕЙ. Сто лет входной замок открываю, а не знаю, куда замок поворачивать - направо или налево.

РАИСА. Налево.

СОЛОВЕЙ. Нет, направо.

РАИСА. А может, и правда - направо. Я тоже всё мучаюсь с входным замком, открыть не могу. А сколько я тут?

СОЛОВЕЙ. Месяц.

РАИСА. Нет. Неправда.

СОЛОВЕЙ. Нас рать, нас рать, нас рать татарская не победила.

РАИСА. Чего?

СОЛОВЕЙ. Так. Котёнок мыл мне сегодня левое ухо, нос, губы, а правое ухо - не захотел.

РАИСА. Какой котенок?

СОЛОВЕЙ. Да какой-то котенок тут прибил, слепой, а бегают быстро, залез мне на кровать и давай мне левое ухо мыть, нос, а правое ухо не захотел.

РАИСА. Ты к чему это?

СОЛОВЕЙ. Так просто. Не захотел.

РАИСА. Может, оно у тебя было чистое, вот и не захотел?

СОЛОВЕЙ. Может. *(Молчит.)* Ну, вот и попрощались?

РАИСА. Ну, вот и попрощались. Поехала я.

СОЛОВЕЙ. Куда?

РАИСА. Искать. Может, где ещё дом Романова есть. Там поживу. Тут не могу больше. Может, найду.

СОЛОВЕЙ. Вдруг Лаурку встретишь там. Скажи, чтоб назад шла.

РАИСА. Ага. Поехала я. Уеду. Сниться все стали. Домик наш в деревне, домики, дочка моя, папа, мама, все стали сниться, говорят - перед плохим, поеду.

Ест лук, плачет.

СОЛОВЕЙ. А у тебя и мать есть? И отец? Дак ты не сирота, как я.

РАИСА. Не сирота. Нет, не сирота. Еду я. Ешьте с ним тут без меня лук обязательно. Хоть вы и гады все, а вам тоже надо витаминов.

Взяла сумки, пошла по лестнице, плачет, ушла в темноту, к реке.

Издалека идёт в темноте кто-то, с фонарём в руках, идёт, кричит:

ЗЕМЛЕМЕР. Кошка-копилка! Кошка-копилка! Дурка-дурилка! Кошка-копилка, девка-дурилка, кошка-копилка, кораблю крутилка! Разбилась копилка! Прощай, милка! Разлилось молоко! Тётка разозлилась! Молоко разлилось! Bonne chance! Ça va! Un bijou!

Алексей, едва передвигаясь, идёт на балкон.

Смотрит вниз. Смеётся радостно, машет рукой, кричит:

АЛЕКСЕЙ. Эй, ты где был так долго? Эй? Я тебя ждал так долго, ну?

ЗЕМЛЕМЕР. А я ж вокруг земли обошёл! *(Смеётся.)* Bonne chance! Ça va! Un bijou! Вокруг всей! Намерял так много! Земля, как копилка! В ней снаружи красота, а внутри ещё больше, в ней столько внутри немеряно!

АЛЕКСЕЙ. Что ты говоришь, я не слышу, вороны кричат, говори громче, эй, землемер?!

ЗЕМЛЕМЕР. *(Смеётся.)* Мне надо идти! Bonne chance! Ça va! Un bijou! Прощай!

АЛЕКСЕЙ. Пстой, я с тобой!!! Пстой, старик, землемер, возьми с собой, не оставляй меня тут, я хочу с тобой, возьми, старик, старик, старик!!!!

Землемер быстро идёт по дороге, взмахивает метром треугольным, меряет землю.

Ворона над ним пролетела, выронила, каркнув, кусок пригорелого хлеба. Хлеб упал и раскрошился.

Землемер замер, хмыкнул, взял кусок, принялся его жевать, смеётся, идёт дальше.

(Кричит.) Стой! Я сыграю тебе, чтобы тебе было веселее идти! Стой, старичок, стой, маленький, постой дорогой, я с тобой пойду, нет, я сам не смогу, пусть хоть это с тобой, стой, послушай, стой!!!!

Алексей, держась за стены, идёт в коридор, начал двигать фортепиано к балкону.

И оно, фортепиано, жалобно позвякивает, что-то внутри гудит, но едет.

Скрипя, будто мяукая, едут колёсики, едут к балкону. В дверях фортепиано застряло, Алексей толкает его сильнее.

Соловей смотрит, как Алексей толкает фортепиано, тоже помогать начал.

Вытолкнули на балкон.

Соловей на фортепиано поставил кошку-копилку, синей изолентой перевязанную.

Алексей сел, начал играть - сначала тихо, потом громче и громче. Соловей убежал в свою комнату, прибежал с гармошкой, начал Алексею подыгрывать.

Музыка летит над тёмным домом, к мосту, над лунной дорогой. Проезжает машина. Но и она не заглушает музыки. Темно, нету света в доме, а музыка звучит и звучит.

Кошки в траве уши навострили, слушают.

Ласточки замолкли, вороны молчат.

Соловей смотрит на горизонт, молчит.

У колонки стоит Лаура с распущенными волосами и со свечкой в руках.

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

*г. Екатеринбург
февраль 1997 года*